

МИХАИЛ МИХЕЕВ

ВОПРОТРЕКИ ПРИКАЗУ

FANTASY ★ WORLD

Fantasy World

Михаил Михеев

Вопреки приказу

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Вопреки приказу / М. А. Михеев — «АСТ», 2018 — (Fantasy World)

ISBN 978-5-17-107668-9

У победы много отцов, поражение же – всегда сирота. Но бывает и так, что находятся люди, готовые сражаться даже в самой безнадежной ситуации и победить вопреки всему. И никому не известный адмирал с периферийной планеты волею случая оказывается именно таким победителем. Героем, которого предали и перед которым встает выбор: подчиниться ошибочному приказу или спасти родную планету. Их не так много, но они готовы сражаться до конца. За их спиной Родина и семьи. И эти люди не привыкли отступать. И пусть они знают, что те, кто послал их на смерть, могут оказаться страшнее любого врага, все равно они будут сражаться. Потому что перед ними очень простой выбор: победа или смерть!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107668-9

© Михеев М. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Система Шелленберг	6
Планета Урал	17
Система планеты Урал. Сутки спустя	22
Планета Урал. Через два часа	30
Система планеты Урал. Через полтора часа	32
Орбита планеты Урал. Спустя пять дней	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Александрович Михеев

Защитники Урала. Вопреки приказу

© Михаил Михеев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Когда снаряды рвутся днем и ночью,
Скорей дают чины и ордена,
Поэтому пускай всегда грохочет —
Война, война, война!*

И. Ефремов «Песня о войне»

Система Шелленберг

Вот он и настал, момент истины. Кончились скучные игрища в политику и экономику, период накопления ресурсов и вербовки союзников, добровольных и не очень, надежных и наоборот. Все закончилось. Флоты сходились в одном, генеральном сражении, и сейчас, как в старые добрые времена, вопрос должен был решиться на поле битвы. На земле, на море, в космосе – да какая, в сущности, разница? Здесь и сейчас был космос, но принципиально это ничего не меняло. Все зависело от простых вещей – кто сможет выставить на пару эскадр больше, грамотнее распорядиться ими... Ну и, конечно, чьи солдаты окажутся крепче духом и дольше смогут противостоять напору врага.

– Сейчас я их размажу! – Вассерман совсем не с еврейским азартом склонился над пультом. – Сейчас, сейчас... Есть!

В данном случае «есть» означало ни много, ни мало, а орудийный залп, который через несколько секунд накроет вражеский корабль и разнесет его в клочья с дистанции, на которой тот не сможет даже ответить. Космический бой жесток и циничен, и учебники по тактике писали совсем не дураки. Такие корабли, как линкор «Суворов», должны по возможности держаться позади строя легких сил, с безопасной позиции разнося неудачников, влетевших им в прицел. С другой стороны, враг поступал точно так же. Размен пешек, не более того. И экипаж «Суворова» знал, что их корабль – тоже пешка, разве что немного жирнее остальных. Знал – но не думал об этом, потому что времени не было. Старший артиллерист, капитан третьего ранга Вассерман уже вновь дирижировал слаженным оркестром своих батарей, и главное было ударить быстрее и точнее противника, чтобы убить его раньше, чем он тебя. Ничего личного, просто война.

Контр-адмирал Александров сидел в своем кресле, будто пребывая в глубокой задумчивости. Откровенно говоря, так и было, тем более, непосредственного вмешательства в ход боя не требовалось. Сражение шло по заранее намеченному плану, в котором задачей таких, как он, командиров соединений было довести эскадру до места боя и бдеть, вдруг что-то пойдет не так. Не очень, на взгляд Александрова, умно, но есть приказ и общепринятая практика. И твое место в таблице о рангах не столь велико, чтобы пытаться что-то изменить. Оборвут погоны, и вся недолга, бывали прецеденты. Так что сунешься – огребешь по самое не балуйся, особенно учитывая его фамилию.

Что же, извольте исполнять, пускай даже приказ бездарный донельзя. Давить противника голой силой можно лишь когда имеешь дело с отсталыми планетами. С равным по мощи лобовое столкновение чревато, в лучшем случае, взаимным уничтожением. Но план есть план, тем более, утвержденный верховным главнокомандующим, сиречь президентом. Человеком, в военном деле абсолютно не разбирающимся, но искренне уверенным в собственной непогрешимости. Что же, оставалось надеяться, что с той стороны стратеги не лучше. Наслышан уже.

Результат был, что называется, на всю морду. Два гигантских, примерно равных по численности, флота примитивно соревновались в огневой мощи и мастерстве канониров, неся огромные потери. Правда, флагману контр-адмирала Александрова пока везло, отчасти потому, что их эскадра дралась на второстепенном участке, отчасти из-за действительно хорошей подготовки экипажа. В течение первых трех часов сражения «Суворов» последовательно раздавил огнем два крейсера и эсминец противника, а потом выиграл артиллерийскую дуэль у линкора, пускай и весьма устаревшего. Сейчас же он, занимая свое законное место в порядке, лупил главным калибром практически в полигонных условиях, и Александров давно уже перестал вести подсчет уничтоженных целей. Тем более, и он это знал точно, с той стороны фронта наверняка сидит такой же, как он, номинальный командующий эскадрой и, за неимением других достойных занятий, также считает, сколько вымпелов может записать на свой счет его

флагман. От осознания этого почему-то становилось противно. Честное слово, когда он служил всего лишь командиром «Суворова», а было это не так и давно, жизнь казалась проще.

Он мрачно огляделся вокруг, привычно цепляясь взглядом за неприметные постороннему взгляду мелочи. Откровенно говоря, придаться было не к чему – капитан первого ранга Лурье, нынешний командир «Суворова», держал корабль в порядке, близком к образцовому. Экипаж корабля дотошного и хамоватого француза не любил, и Александров вполне разделял мнение своих людей, но в профессионализме Лурье было не отказать. Конечно, адмирал предпочел бы, чтобы на мостике оказался его старший помощник, но того оставили на прежней должности. Увы, адмиралы в высоких штабах были в своем праве.

Линкор содрогнулся. Адмирал бросил короткий взгляд на висящий перед ним виртуальный экран, но и без него было ясно – в них попали, и всерьез. К счастью, силовое поле выдержало и поглотило удар, но вот кто и чем выстрелил, было неясно.

– Что за хрень...

Один из навигаторов быстро-быстро пробежал чуткими пальцами по клавиатуре, столь же виртуальной, как и экран. Лурье повернулся к нему:

– Лейтенант, ведите себя досто...

Линкор тряхнуло вновь. На этот раз противно взвыли сирены, заморгал свет. Александров вновь сконцентрировался на экране. Сейчас он фактически дублировал то, чем должны были заниматься командир линкора и его подчиненные, но сидеть просто так было выше его сил. Руки порхали над пультом... Так, поле еще держится. Перегрузка энергонакопителей пять процентов – ерунда, они уже как-то имели возможность убедиться, что они тянут при нужде все десять. Подключение резервного реактора... Черт возьми, да кто же в них стреляет?

– Адмирал!

Кто это крикнул, Александров не слышал. Зато он и сам уже видел, как занимающий позицию в двадцати световых секундах от флагмана крейсер «Волочаевск» вдруг ярко вспыхнул и превратился в мельчайшую, ярко светящуюся голубым огнем пыль.

– Кто это?

– Я его не вижу...

– Вот он!

Чужой корабль, попробовавший на зуб линкор и убедившийся в твердости бронированного орешка, очевидно, решил переключиться на мишени попроще. Однако как бы ни была совершенна его маскировка, до идеала ей все равно оставалось, как до Китая задним ходом. Подкрасться и нанести внезапный удар еще получилось, но, когда тебя ищут радары целой эскадры, уклоняться уже куда сложнее. И засветку он все-таки оставил – слабенькую, конечно, но вполне реальную. Судя по тому, как «призрак» маневрировал, он искал себе новую цель, однако позволять ему нанести очередной удар никто не собирался.

– Построение три. Бегом!

– Но, адмирал...

– Заткнитесь, Лурье.

Француз обиженно замолчал, не собираясь препираться со старшим по званию. Потом наверняка напишет соответствующий рапорт, но Александрову сейчас было все равно. Построение три – это значит рассыпаться, уйти с линии огня линкора, иначе слишком велик шанс, атакуя корабль-диверсант, зацепить своих. И, хотя это совершенно не согласовывалось с планами, адмирал знал, что обязан это сделать, иначе «призрак» убьет еще немало людей. Его, Александрова, людей, и этим все сказано.

Здесь, на второстепенном участке, можно было хотя бы маневрировать. Соревновались в огневой мощи преимущественно более легкие корабли, классом не выше крейсера, а единичные линкоры играли роль судов огневой поддержки, своими орудиями и броней придавая устойчивость соединениям. В центре сражения все было проще и жестче. Построившись «сте-

ной», линкоры били по такой же «стене» противника, стараясь перегрузить их силовые поля. Враг отвечал той же любезностью, и время от времени яркие вспышки показывали точку, где нашел последнее пристанище неудачник, чья защита не выдержала удара.

Пока что «Суворов» работал в основном энергетическим оружием – оно било точнее, а главное, быстрее ракет. Все же луч лазера имеет скорость света, ему не надо, подобно ракете, мучительно разгоняться. Заряды антиматерии и высокотемпературная плазма чуть медленнее, но тоже ничего. Ракеты... А что ракеты? Они, конечно, мощнее, но их количество на борту ограничено. Плюс к тому, огромную роль играет дистанция. За то короткое время, пока работает двигатель, ракете надо достигнуть цели и навестись на нее. Чуть дальше – и все, она превращается в неуправляемый снаряд, от которого можно уклониться или, как вариант, сбить прекратившую маневрировать боеголовку. Увы, хотя «призрак» находился как раз в зоне поражения ракет, применять их было бесполезно, они попросту не смогут захватить цель. Впрочем, линкору хватило и лазеров.

Орудийные башни «Суворова» плюнули огнем, и спустя несколько секунд в космосе распустился огненный цветок. Зрелище феерическое, но любоваться им было некогда.

– Восстановить строй!

Крейсера и эсминцы тут же начали поспешно занимать свои места в ордере. Не обошлось без накладок, но в целом справились все, и очень быстро. Противник, решивший было воспользоваться снижением плотности огня, вызванным атакой «призрака», разочарованно откатился. Все же недавняя потеря флагмана весьма ослабила их возможности, а паре оставшихся у них сейчас линейных крейсеров лезть в ближний бой с линкором строго противопоказано. Орудий-то у них достаточно, а вот защита подкачала, «Суворов» их просто раздавит. Среди офицеров Объединенного Флота восточных народов немало храбрецов, встречаются фанатики, но дураков и самоубийц там не держат. Так что противник отступил, и все вернулось на круги своя. Очередной размен пешек, не более.

Александров вновь откинулся в кресле, размышляя над случившимся. Похоже, дело пахнет керосином, о таких вот «призраках» он слышал, но их наличие считалось чем-то гипотетическим. И вот, сподобились, противник только что продемонстрировал свое технологическое превосходство, и это адмиралу решительно не нравилось. Впрочем, оставалось надеяться, что родному командованию тоже найдется, чем развлечь своих визави.

– Группа три, что там у вас?

Ну, вот и отцы-командиры вызывают, легки на помине. Александров, скрывая раздражение, доложил обстановку и готовился получить честно заработанный втык, но адмирал Мориссон, начальник штаба флота, к его удивлению, даже не попытался указать наглому русскому на его неподобающие действия. Да и вообще, выглядел он крайне озабоченным. Александров бросил взгляд на тактический дисплей – да уж, есть от чего дергаться командующему флотом, есть.

Похоже, сражение если и не было еще проиграно, то весьма приблизилось к этой фазе. «Стена» центральной эскадры зияла жуткими прорехами, и, хотя противнику тоже досталось, выглядел он куда менее потрепанным. Еще хуже оказались расклады по легким силам. Судя по всему, неприятель ухитрился собрать куда больше кораблей, чем докладывали умники из Центрального разведывательного управления, и, придержав их, в нужный момент ввел в бой. Сейчас его преимущество было уже едва не двойным и продолжало нарастать. Похоже, когда все это безобразие закончится, кое-кому из штабных аналитиков придется оказаться на ковре у высокого начальства. А потом отдраивать задний проход от спермы. Ершиком.

Эта тупая мысль вызвала у Александрова совершенно неуместный сейчас приступ веселья. Впрочем, он сумел не показать своих мыслей, докладывая обстановку спокойно, рутинно и в чем-то даже скучно. Моррисон кивал, но было видно, что мысли его заняты совсем дру-

гим. Когда Александров закончил, он выдержал паузу, связанную с задержкой сигнала, а потом спросил:

– Вы сможете прорвать фронт?

– Диспозицией это...

– Я знаю, что предусмотрено нашими планами, но сейчас они летят к чертям, – голос Моррисона звучал сухо, и это было верным признаком того, что внутри у начальника штаба все кипит. – Я спрашиваю, сможете или нет?

Теперь настала пора Александрова задуматься, одновременно выводя на экран трехмерную развертку своего участка. Наконец он кивнул и ответил:

– Мне потребуются два линкора из резерва. Лучше три. И, желательно, однотипных моему, иначе сложно будет управлять.

– Вы их получите, – буркнул Моррисон и отключился, оставив Александрова с ощущением того, что он продешевил и надо было требовать большего.

Приказ он получил буквально через пять минут и едва смог сдержать эмоции. Задача для смертников, иначе и не скажешь. Прорвать фронт вражеских кораблей – ну, если будут три дополнительных линкора, это просто. Но вот дальше... Создать угрозу флангу ударной группировки противника! Да, это может сработать, наступление врага, вынужденного отвлечься на новую угрозу, обречено на тактический коллапс, но что останется от эскадры Александрова после пяти минут боя с такой армадой, даже представить страшно. И все это без малейшей тактической проработки! Если дошло до такого, планы сражения пора было сливать в унитаз, и требовалось срочно импровизировать, что большинство адмиралов Конфедерации просто не умели делать.

Затребованные Александровым линкоры подошли очень скоро. Хорошо знакомые корабли «фельдмаршальской» серии – «Кутузов», «Апраксин» и «Ушаков». Эти гиганты, названные в честь знаменитых полководцев и флотоводцев прошлого, были разработаны и строились на родной планете Александрова. В свое время он, еще капитан второго ранга, консультировал инженеров-кораблестроителей при их проектировании, а сейчас ему предстояло вести свое (ну, хотя бы частично свое) детище в бой.

Впрочем, командование расщедрилось, послав в усиление два линейных крейсера типа «Фомальгаут». Вместе с ними у Александрова в подчинении оказалось сразу восемь кораблей линейного класса – четыре однотипных линкора и четыре линейных крейсера. Тоже, кстати, почти однотипных, поскольку бывшие у него до этого линейные крейсера типа «Владивосток» создавались как раз на базе весьма удачного проекта «Фомальгаут», отличаясь разве что несколько более мощным вооружением. Плюс к тому, Моррисон подкинул еще и небольшой отряд кораблей полегче. Сейчас группа Александрова была сильна, как никогда. Весьма похоже, на успех атаки наглого русского Моррисон возлагал серьезные надежды.

Адмирал хлопнул в ладоши, привлекая внимание. Вообще, положено было это делать специальным сигналом либо через пульты, но Александров был известен, в том числе, и тем, что умел и любил плевать на устав. Причем, что характерно, в меру – так, что фрондерство бросалось в глаза, но при этом не наносило ущерба карьере. Последнее доказывал тот факт, что, хотя он и был родом с неблагонадежной планеты, а русская фамилия одним своим звучанием раздражала многих, Александров стал в свое время самым молодым контр-адмиралом на флоте. И, кстати, все шло к тому, что станет самым молодым вице-адмиралом. Если не погибнет сегодня, разумеется.

На резкий звук хлопка все обернулись, даже демонстративно не одобряющий действия адмирала Лурье. Александров встал – в этом тоже не было особой необходимости, но на «Суворове» такое поведение давно стало традицией, и все усилия нового командира линкора ситуацию переломить не могли, раз за разом упираясь в корректное, но непрошибаемое игнорирование. Поймав его ненавидящий взгляд, адмирал усмехнулся:

– Итак, товарищи (опять неуставное слово, но там, откуда родом было девять десятых команды линкора, так было принято), нам предлагается красиво умереть. Но помирать лично мне не хочется, поэтому есть мнение, что нам стоит громко победить...

Час спустя удар их эскадры смял и опрокинул строй противника. Можно было бы и быстрее, но требовалось интегрировать в систему боевого управления новые корабли, а это дело не быстрое. Час – не рекорд, но показатель хороший, и, как только линкоры заняли свои места в строю, а линейные крейсера влились в состав мобильного ударного соединения, для противника наступил момент истины.

Технически все было просто. Четыре линкора и столько же практически равных им по огневой мощи линейных крейсеров обладали колоссальной огневой мощью. У противника два линейных крейсера, примерно равные своим визави индивидуально, но броня и силовые поля которых не предназначены для длительного огневого контакта. Не потребовалось даже задействовать ракетные батареи. Сосредоточенный залп эскадры буквально смял защиту вначале одного, потом другого. После же их гибели оборона противника рухнула.

Самым сложным для Александрова в тот момент было удержаться самому и удержать своих людей от вполне законного желания заняться самым интересным видом спорта – гонками за убегающими и стрельбой им в спину. Увы, его задача сейчас была в другом, и устроить себе моральный отдых было чревато потерей темпа. Поэтому единственное, что он смог себе позволить, это дать пару залпов вслед бегущим и, сохраняя строй, развернуться для броска на оголенный фланг ударной группы восточников.

А там веселье было в самом разгаре. Несмотря на чудовищные потери, флот Конфедерации пока что держался и даже наносил противнику ответные удары, не слишком опасные, но весьма болезненные. Фронт гнулся, но не ломался, и, хотя победа восточников была уже практически гарантирована, ясно было, что их крови прольется еще много.

Задачу Александрову поставили весьма сложную и, откровенно говоря, самоубийственную, но вполне реальную. Вот только исполнять приказ он не собирался, пускай даже это грозило ему трибуналом. Разметать фланг – и что? Противник превосходит его численностью как минимум вдесятеро. Раздавят – мяу сказать не успеешь. Основным силам, конечно, передышка, только вот даст она немного. Резервов нет и не будет – судя по кислой роже Моррисона, Александрову передали последнее, что еще оставалось в записке у командующего. То есть даже если все пойдет, как надо, его удар лишь оттянет неизбежное.

Погибать ради сомнительных перспектив не хотелось, да и вообще, откровенно говоря, адмирал намерен был еще пожить и людей своих вытащить. И потому в его голове прокручивался собственный план. Рискованный, со множеством допущений, но дающий реальный, пускай и маленький, шанс на победу. Ну а в случае, если он не сработает, то паузу основным силам Конфедерации он даст не меньшую, чем задуманная Моррисоном операция.

Свой план Александров строил на знании психологии противника и, главное, механизма управления их вооруженными силами. Когда-то, еще в докосмическую эпоху, его предкам не раз приходилось схватываться и с китайцами, составляющими сейчас подавляющее большинство населения и, соответственно, солдат противника, и с японцами, которых тоже хватало. С остальными, кстати, тоже пересекались и почти всегда побеждали, даже имея откровенно недостаточные силы. Так почему бы не повторить их достижения? Главное, знать, куда бить.

Тут, главное, не ошибиться с личностью вражеского адмирала и его национальной принадлежностью. Именно поэтому Александров с самого начала боя собирал информацию о противнике. Собирал, а теперь сидел и тупо усмехался. Похоже, все складывалось в его пользу. В кои-то веки...

Командовал вражеским флотом однозначно китаец. Будь там адмирал с конфедеративным мышлением, без разницы, русский, француз, англичанин, немец, все расклады были бы иными. Традиция старая, но действенная, сохранившаяся со времен парусного флота. Адми-

ралы в атаку не посылают, а ведут. Японец поступил бы так же. Кореец... тоже, наверное. Но, судя по тому, что флагман противника уютно расположился в тылу, командовал флотом именно китаец. И такое расположение имело свои плюсы. Хотя бы потому, что не было риска потерять флагмана в разгар сражения.

Вот только если адмиральскому кораблю наступит хана, то вся мелодия боя рассыплется, будто карточный домик. Русские будут драться и сохранять какое-то подобие управления до тех пор, пока жив последний мичман на мостике последнего корабля. Остальные, в той или иной степени, похожи. Кто-то продержится больше, кто-то меньше, но сражаться будут. У китайцев же, если убрать из связки командующего, посыплется все и сразу, проверено, и на этом был построен план контр-адмирала Александрова. Ну и еще на том, что если командует китаец, то и все старшие офицеры тоже китайцы. С вероятностью процентов девяносто, не меньше.

Сейчас пяти приданным кораблям, трем линкорам и двум линейным крейсерам, в сопровождении всех имеющихся у Александрова легких сил, предстояло совершить невозможное. Своей атакой их командиры обязаны были убедить врага в том, что удар во фланг группировке восточников не ограниченная по силам и средствам операция, а прорыв крупных сил с решительными намерениями. То есть связать боем группировку из почти сотни кораблей линейного класса хотя бы на несколько минут, а затем драпать. Тем, кто успеет.

Группе же самого адмирала, линкору и двум линейным крейсерам, предстояло разобратся с флагманским кораблем противника. Того, конечно, хорошо охраняли, одних линкоров четыре штуки, плюс легкие силы. Вполне достаточно, чтобы раздавить любого нахала. Теоретически. Пять линкоров – это, конечно, жестко, но на стороне Александрова играли опыт и внезапность, а значит, задача из невыполнимой становилась просто запредельно сложной. Что же, русским не привыкать...

– Внимание! – голос адмирала разнесся по всем коридорам кораблей его эскадры, даже тем, где сейчас никого не было. Люди находились на боевых постах, и потому большая часть помещений пустовала, но автоматике было все равно. – Принимаю управление эскадрой на себя!

Все, с этой минуты индивидуальность на какое-то время исчезала, все подчинялось единой воле командующего. На голову адмирала с тихим шипением опустился шлем, превращающий его в центр гигантского суперкомпьютера, объединяющего системы управления более чем сотни кораблей. Колоссальная нагрузка на мозг, и неподготовленному человеку справиться с таким крайне сложно, если не сказать более. Да и подготовленному придется тяжело, не зря же случаи применения такой аппаратуры в боевой обстановке происходили крайне редко, по пальцам можно пересчитать, и это – не фигура речи. Но сейчас игра стоила свеч, да и не собирался Александров управлять через шлем эскадрой непосредственно в бою. Так и мозги сожжешь, без вариантов, но на стадии подготовки – самое то!

Это было феерично. Как всегда, вход в виртуальную реальность бил по мозгу, как холодный душ, заставляя мысли становиться четкими и какими-то выпуклыми, что ли. Это, конечно, ненаучно, однако иного термина адмирал подобрать не мог. Пространство вокруг на миг искажилось, а затем словно распахнулось во всю ширь. Исчезла рубка, исчез сам корабль, остался только Великий Космос, в который Александров заглядывал сейчас тысячами глаз-сенсоров своих линкоров, крейсеров, эсминцев... Он видел далекий отсвет взорвавшейся тысячи лет назад сверхновой, мог, казалось, пощупать отвратительно красные протуберанцы местной звезды и, уж конечно, вспышки там, где происходило сражение. И наконец свои корабли, грозные, похожие на иззубренные наконечники стрел, совершенные в своем функциональном уродстве.

Все это проходило где-то на периферии сознания, затрагивая, наверное, сотую долю ресурсов мозга. А остальное, не несколько процентов, как бывает обычно, а все, до последнего

нейрона, работало с полной отдачей. Мозг пропускал через себя потоки информации, обрабатывал их – и на компьютеры кораблей шли четкие, до последней запятой выверенные, приказы, как, когда и что делать. Длилось все это какие-то секунды, больше человек вряд ли выдержал бы, не рискуя повредить собственную психику. Зато по окончании процесса, когда адмирал Александров стянул с потемневших от пота волос шлем и подставил бледное, осунувшееся лицо холодному свету осветительных панелей, каждый корабль, да что там, каждый человек знал свой маневр. С этой минуты эскадра была готова к бою.

– Вперед!

Короткий импульс двигателями – и огромные, в сотни метров длиной, туши кораблей начали движение в сторону противника. Медленно, неспешно. Еще импульс, еще... Когда скорость достигла одной сотой световой, ускорение прекратилось. Дальше флот шел по инерции, так его приближение сложнее было засечь.

– Адмирал!

– Слушаю вас, – Александров неспешно развернулся вместе с креслом и упер холодный взгляд маленьких, голубых до прозрачности глаз в Лурье. Выдержать его взгляд могли немногие, в основном те, кто знал, что вне службы адмирал не хрестоматийный русский медведь, безжалостный и спокойный, а веселый и компанейский человек. Из присутствующих в боевой рубке этого не знал только нынешний командир «Суворова», невольно поежившийся от пробежавшего по позвоночнику холода, остальные продолжали спокойно заниматься своими делами.

– Согласно приказу, мы должны атаковать фланг противника.

– Мы так и делаем.

– Но для нашего корабля вами проложен неверный курс!

– Курс верный.

– Значит, вы нарушаете приказ...

– Лурье, займитесь своим делом и не мешайте мне делать свое. Если вы чего-то не понимаете, не демонстрируйте собственную некомпетентность.

– Адмирал! – лицо командира «Суворова» пошло красными пятнами. – Вы...

– Я, я. По возвращении на базу получите официальное взыскание за пререкания со старшим по званию. И напомним, ваши способности оценены как командира корабля, до большего вы пока не дотягиваете, так что займитесь своим делом.

С куда большим удовольствием Александров вообще снял бы прямо сейчас француза с командования, но не стоило делать это перед началом боя. Перехватить управление, если что, он успеет. А не он – так старпом, расположившийся в кормовой рубке. Такая диспозиция повышала живучесть – в бою, если будет выбит один из центров управления, второй сможет принять на себя командование, хотя сейчас присутствие седого, вальяжного, и надежного, как скала, капитана второго ранга Никифорова пришлось бы как нельзя кстати.

Лурье заткнулся. Похоже, от него сейчас нечего было ждать, кроме молчаливого саботажа. Впрочем, в бою он будет драться, как и все. Не по приказу, а просто, чтобы сохранить собственную шкуру. Адмирал усмехнулся и, чуть расслабившись, приказал принести кофе. Время еще было. Немного. И секундная стрелка, будто неумолимый метроном, отсчитывала время, которое кому-то осталось жить.

Первой начала группа, идущая в атаку на основные силы противника. Атака – это громко сказано, конечно, хотя, на первый взгляд, происходящее должно было выглядеть именно так. Ударить, пошуметь, создать видимость – и отступать, ни в коем случае не теряя корабли и людей. Главное, чтобы никто не усомнился в реальности происходящего, иначе последствия обещали быть самыми, что ни на есть, печальными.

Если противник купится на это, а все говорило о том, что так и будет, то внимание его на какое-то время будет поглощено боем. Останутся пять линкоров, но есть неплохой шанс

застать их врасплох. Преимущество в кораблях, конечно, будет не на стороне Александрова, но зато можно хлопнуть по столу еще одним козырем. Тяжелые корабли конфедератов по огневой мощи превосходили аналогичные корабли противника, да и электронику имели лучшую. Все же технологически Конфедерация пусть на четверть шага, но впереди. «Призрак» не в счет, там маскировка хороша, но все остальное – ой-ой! При массе покоя (а чуткие приборы все зафиксировали и подсчитали), соответствующей линейному крейсеру, он имел защитное поле и вооружение, больше подходящие крейсеру легкому. Словом, шансы были, и не такие уж провальные.

Вокруг звездолетов, одного за другим, стали вспухать облачка газа. Корабли сбрасывали воздух из отсеков, чтобы при неизбежных во время боя взрывах по ним не прокатилась сметающая все на своем пути ударная волна. Корветы, фрегаты, эсминцы и, естественно, истребители очищались от живительного, но притом и смертельно опасного газа полностью, крейсера и линкоры ограничивались внешними отсеками. Бронированные капсулы жилой зоны и медицинские отсеки, расположенные в самых защищенных частях кораблей, сохраняли атмосферу. Если взрыв дотянется до них, то кораблю к этому времени будет уже все равно.

Адмирал, надевший скафандр и, по традиции, последним захлопнувший забрало гермошлема, постарался максимально возможно удобным образом расположиться в кресле. Получалось не очень. С размерами проблем не возникло, мебель на боевых постах автоматически подгонялась под габариты пользователя. Хуже другое – задачей кресел в маршевом и боевом режимах являлось, помимо прочего, максимально защитить человека от травм, что, в свою очередь, требовало усиленной боковой и спинной поддержки с плотной фиксацией. Оно, конечно, нужно, но при этом комфортом приходилось жертвовать. Впрочем, тем, кто шел сейчас в бой, к такого рода неудобствам было не привыкать. Не в первый раз. И сейчас они, похожие, как близнецы, безликие из-за матовых забрал, сидели за своими пультами. Все, осталось несколько минут, а там со щитом или на щите, третьего не дано.

На экране замерцала нарисованная искусственным мозгом «Суворова» картинка. Ну, джентльмены, понеслась душа в рай – группа отвлечения начала атаку. Вопреки канонам, требующим последовательного введения в бой сначала легких сил, а потом уже, с безопасной дистанции, артиллерийского удара линкоров, корабли ударили разом, всем, чем было. Маневр, примененный Александровым, оказался удачным: на идущие с выключенными огнями, силовыми полями и двигателями корабли не обратили внимания. Наверняка компьютеры вражеских кораблей поместили их как нечто третьестепенное, и артиллеристы не отрывались от дуэли с основными силами флота Конфедерации до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Удар в упор, внезапный, да еще и нанесенный в момент, когда максимальная мощность защитных полей развернута в другой плоскости, оказался страшен. Корпуса вражеских кораблей, прикрытые тоненькой, скорее формальной, пленкой силовой защиты, разносило вдребезги. Восточники сразу же, почти мгновенно, лишились двух линкоров, линейного крейсера и доброй дюжины кораблей классом ниже, и Александров на миг даже подумал, что зря начал играть в стратегическую дальновидность. Ударь он всеми силами – и, глядишь, наворотил бы дел куда больше. Впрочем, дальнейшее развитие событий тут же доказало, что он был прав.

Восточники не испугались и не смешались. Да, они моментально ослабили давление на флот Конфедерации, но совсем ненамного. Шесть линкоров с соответствующими моменту силами прикрытия тут же развернулись навстречу новым противникам. Все, угроза купирована. Александров усмехнулся. Тот, кто командовал вражеским флотом, дело свое знал. Посмотрим теперь, как его подчиненные умеют драться без указивок сверху. Ну и будем надеяться, что те, кто участвовал в отвлекающем маневре, сумеют отработать, а главное, вовремя отступить без серьезных потерь.

Его очередь наступила буквально через несколько минут. К тому моменту бой первой группы и не думал заканчиваться, напротив, кипел все активнее. Вначале противник, оче-

видно, пытался отделаться малой кровью, попросту оттеснив наглецов, но те, отойдя было, тут же возвращались, как только их прекращали преследовать. В результате эскадра восточников заметно оторвалась от основных сил, и командование даже усилило ее, логично опасаясь засады. Правда, как ее устроить в космосе, Александров представлял слабо, но противник явно полагал, что это возможно. Не без оснований, кстати, в конце концов, у восточников же есть «призраки», так почему бы конфедератам не иметь что-то подобное?

Как бы то ни было, все внимание противника оказалось приковано к этой заварухе. Даже три из четырех охраняющих флагман линкоров заняли позицию между ним и местом боя. Александрову оставалось лишь довольно усмехнуться – пока что происходящее совпадало с его выкладками на девяносто восемь процентов, во всяком случае, компьютер подсчитал именно так. А значит, все у них получится. Почему-то именно в этот момент адмирал уверовал в это окончательно.

Их траектория была выбрана таким образом, чтобы пройти за кормой флагманского корабля противника. Расклад прост: силовое поле способно отклонить большинство зарядов энергетического оружия, заставить преждевременно взорваться ракеты – но оно и самому кораблю ничем, кроме лазеров, стрелять не позволяет. Именно поэтому, кстати, практически все зенитные системы созданы на основе лазерного оружия. С остальными же сложнее. По сути, весь бой сводится к тому, чтобы на долю секунды выключить силовое поле на траектории выстрела, дать залп и тут же вновь его включить. Игра со смертью, иначе и не назовешь.

Еще сложнее с двигателями. Для любого маневра требуется гасить поле напротив них, иначе сам поджаришься. И потому корма – самая уязвимая часть любого звездолета. По ней, точнее, по гирляндам чашечных отражателей, Александров и планировал ударить всей мощью своего линкора. Задача – выбить флагмана, и адмирал надеялся, что сможет уничтожить его прежде, чем остальные сообразят, откуда нанесен удар.

Сейчас чужие звездолеты медленно вплывали в прицелы. Все шло так, как планировалось... вроде бы, и, хотя адмирала учили сохранять хладнокровие в любой ситуации, он чувствовал, как колотится в груди сердце, готовое пробить, кажется, не только ребра, но и скафандр.

– Ярослав, твой выход, – одними губами, словно боясь, что кто-то сможет услышать, прошептал он.

– Есть, командир, – Вассерман, брюхо которого не могли скрыть даже боевые доспехи, сосредоточенно колдовал над пультом. – Тридцать секунд.

Тридцать – значит, тридцать. Теперь ничего не зависело от командира, всем заправлял артиллерист, чьи привыкшие к математике мозги жонглировали сотнями переменных. По сути, это были даже не расчеты, а что-то между интуицией и божественным наитием. Вот поэтому ни один компьютер и не мог сравниться с человеком ни в стрельбе, ни в пилотировании, и старший артиллерист линкора, по совместительству доктор наук и профессор, в очередной раз готовился это доказать. Или погибнуть в случае ошибки вместе с кораблем, поскольку второго шанса им противник не даст. Но Вассерман, фанатик и профессионал своего дела, редчайшее, кстати, сочетание, не ошибался раньше и не намерен был портить свою репутацию.

Легкий, на грани чувств, толчок – пошли ракеты. Их масса по сравнению с громадой корабля ничтожна, но выбрасывает титановых рыбин с таким ускорением, что легкая, почти незаметная вибрация опытным космолетчиком улавливается безошибочно.

– Сто секунд...

Голос Вассермана холоден и отстранен. Секунды текут медленно, будто увязая в пространстве. Но вот проходят и они. На этот раз толчка нет, лишь мигнули значки на экране – это дали залп орудия главного калибра. Сгустки высокотемпературной плазмы устремились к цели.

– Сорок секунд!

А на этот раз чувствуется ничем не прикрытый азарт. Сейчас артиллерист в своей стихии, и место вальяжного толстяка и сибарита занял боец, опытный и хищный, как леопард. Новое мерцание экрана – лазеры выплеснули накопленную в них энергию...

Линкор восточников взорвался так, словно решил превратиться в звезду. Эффектно, ярко, красиво, в общем, незабываемое зрелище, радующее глаз экипажа «Суворова» вообще и Вассермана в частности. Хотя бы даже и потому, что так совместить залпы всех типов оружия, добившись одновременного поражения цели, считается невозможным даже теоретически. Но Вассерман уже не в первый раз опроверг теорию суровой практикой и вlepил все, что имелось на их линкоре, точнехонько в дюзы противнику.

– Вперед!

Это вырвалось у Александра непроизвольно и совершенно не требовалось. Он еще только открыл рот, а корабль уже разгонялся, выходя из-под возможного ответного удара. Впрочем, это было неважно, мозг анализировал расклады, и получалось, что все не так и плохо, как могло быть, хотя и хуже, чем хотелось бы.

Итак, флагманский корабль противника уничтожен. Из четырех линкоров охранения два, те, по которым ударили линейные крейсера, обездвижены. Разрушить их с одного удара не удалось, все же нет у них второго Вассермана, однако с разбитыми дюзами даже самые мощные корабли могут работать лишь как стационарные батареи с минимальными, в пределах возможности маневровых двигателей, степенями свободы. Судя по поступающей информации, один так и вовсе не в состоянии восстановить управление, у второго это получается с трудом. То есть – не бойцы. Остаются два линкора и с десятков кораблей полегче. У Александра – линкор и два линейных крейсера, силы примерно равные...

Вот только драться адмиралу не хотелось. Программу-минимум он уже выполнил, сейчас бы бежать, отступать... Но – не поймут ведь, уж больно хорошо подставился противник, упустить такой момент глупо. Риск, конечно, велик, но – не поймут. И плевать, что выскажут свое «фи» умники из штаба, в первый раз, что ли? А вот свои, те, кого ты ведешь в бой, не поймут – это куда хуже. Авторитет завоевывается годами, а утрачивается в один миг, и Александров принимал бой, в том числе и из-за этого.

Хорошо еще, фора во времени имелась. Пока восточники сообразили, что к чему, пока начали контрманевр, прошла целая минута, даже чуть больше. Для космического боя – почти вечность. «Суворов» и оба линейных крейсера, повинувшись заранее спланированному плану, успели за это время все втроем обстрелять главным калибром не успевший развернуться линкор и превратили его в кучу обломков.

Защита восточников была неплоха, но все же не рассчитывалась на сосредоточенный обстрел тремя кораблями, каждый из которых не уступал или даже превосходил свою жертву в огневой мощи. Силовое поле вначале засветилось ярко-красным пламенем, потом стало желтым, белым... А потом оно полыхнуло и исчезло, продемонстрировав на миг всем желающим серо-голубой, плюющийся огнем корпус вражеского корабля. И почти сразу на нем скрестились огненные нити лазеров и лилово-зеленые трассы антимагии. Короткая, не такая уж и яркая вспышка – и великолепное, незабываемое зрелище разваливающегося на куски вражеского звездолета.

Последний уцелевший линкор противника не стал дожидаться, когда за него возьмутся всерьез, и, дав несколько практически безрезультатных залпов с большой дистанции, рванул прочь. Легкие силы последовали за ним – видимо, там тоже командирами были китайцы. Японцы бы, скорее всего, дрались до конца, но эти бежали, бросив поврежденные линкоры на растерзание победителям. И все, на этом бой можно было считать законченным, поскольку уничтожить потерявшие ход корабли дело техники и не такого уж длительного времени.

Однако Александра сейчас не особенно интересовали подранки. Куда важнее было то, что происходило на фланге вражеского построения, там, где сражалась основная часть его

кораблей. Согласно диспозиции, сразу после его атаки они должны были отступить, только вот сумеют ли? Не увлекутся ли командиры боем? Впрочем, он тут же перевел дух – все же дисциплина оказалась выше азарта, и эскадра конфедератов уже откатывалась назад, потеряв всего-то пару крейсеров и вдвое больше эсминцев. По меркам такого сражения – мелочи.

Адмирал перевел взгляд на вражеские линкоры. Судя по их поведению... Ну ничего себе! Да они сдаются! Сняли защитные поля, отчаянно сигнализируют прожекторами, орут на всех волнах... Черт, соблазн велик! А что там враг?

А противник вел себя в точности так, как и задумывалось. Только что монолитная стена его кораблей стремительно распадалась на отдельные сегменты. Все правильно, если командующий – китаец, то и те, кого он поставил командовать отдельными соединениями, тоже китайцы. Иных не потерпит – менталитет-с. И сейчас они разом потеряли связующее звено. И если флот Конфедерации ударит в ту кучу, в которую на глазах превращается вражеское построение...

Александров перевел взгляд на свои корабли – и выругался. Вслух. Громко. Никого не стесняясь. Даже Лурье, который потом наверняка донесет. Эти уроды в высоких чинах вместо того, чтобы атаковать, использовали паузу для того, чтобы отступить. Победа, завоеванная группой «Суворова», моментально превращалась... нет, не в поражение, конечно, но не более чем в ничью. Ну да, в ничью. Строй восточников распался, они отходили, а у конфедератов не нашлось никого, кто решился бы взять на себя ответственность и, послав к черту заложенные в компьютеры планы, довести ход сражения до логического завершения.

С трудом взяв себя в руки, Александров махнул рукой. Что же, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Вновь пошли приказы – и вот линейные крейсера, зацепив поврежденные корабли восточников силовыми захватами, поволокли их навстречу остальным кораблям группы. Точка рандеву была назначена заранее, так что все просто. «Суворов» шел рядом, демонстрируя всем и каждому, что связываться с ними не стоит. Никто и не связывался, к слову – основные силы восточников отходили в другом направлении, а легкие корабли, мелькнув пару раз на радарх, шустро ушли прочь.

Напряжение медленно спадало. На мостике народ открывал забрала гермошлемов, весело перешучивался. Все правильно, с их точки зрения все получилось, причем куда проще и легче, чем думалось вначале. И лишь сам адмирал понимал, что упустил шанс закончить войну прямо сейчас, одним ударом. И пусть не он упустил, но все равно паршиво, второго шанса ему не дадут.

Зло тряхнув головой, он, в свою очередь, отделался от тяжелого и неудобного шлема, пару раз глубоко вздохнул, приводя себя в норму, и коротко бросил:

– Эй, штурманá, хорош галдеть! Займитесь прокладкой курса.

– Куда? – не слишком по-уставному (впрочем, сейчас это было простительно) поинтересовался старший штурман линкора, кап-три со смешной фамилией Мышелов. Александров пару секунд подумал и, кивнув собственным мыслям, ответил:

– На Урал.

– Адмирал, но приказ требует, чтобы мы отходили к...

– Лурье, – Александров развернулся к француззу вместе с креслом. – Я знаю, что говорит приказ. И знаю, что я его нарушаю. Вы за это не в ответе. Идите, занимайтесь своими делами. Штурман! Курс на Урал.

Планета Урал

Колония на планете Урал была одной из первых, основанных человечеством, и когда-то самой дальней из них. И заселялась изначально талантливым, беспокойным и весьма безалаберным племенем русских. Впрочем, последние были несколько разбавлены немцами, итальянцами и скандинавами – так получилось, что в районе Екатеринбурга, откуда, собственно, и набирались сюда колонисты, эти народы после последней мировой войны присутствовали в изрядном количестве. Кто-то попал в уральский «санаторий» в начале, пленным, кто-то позже, беженцем – тогда уезжать многим было уже просто некуда. И неудивительно, что потомки победителей и пленных, оказавшихся после той войны в одной лодке, и в космос, в конце концов, рванули вместе.

Надо сказать, космическая экспансия человечества началась довольно спонтанно, без какой-либо системной подготовки. До того люди с переменным успехом пытались осваивать Солнечную систему, построить базы на Луне (три раза, дважды удачно) и основать колонию на Марсе (неудачно). Позже им удалось кое-как закрепиться на лунах Юпитера и начать сложную и убыточную разработку шахт в поясе астероидов. Словом, куча проблем, усугубленных общей нестабильностью на родной планете, с весьма туманными перспективами.

Все изменилось, когда в конце двадцать второго века был открыт мост Эйнштейна-Розена. Теория, его описывающая, существовала давно, однако долгое время считалась всего лишь головоломкой для свихнувшихся математиков. Однако так устроен мир, что количество имеет свойство переходить в качество, и однажды исследования отдельных энтузиастов перевалили критическую массу, родив стройную и непротиворечивую модель, на основании которой был построен первый межзвездный зонд. Игрушка весом в несколько тонн отправилась к ближайшей звезде и, ко всеобщему удивлению, побывала там и вернулась. Именно с того дня и принято было считать новую историю человечества.

Мост Эйнштейна-Розена или, как его чаще называли, гиперпространство, разом дал человечеству новый толчок. Теперь полеты к поясу астероидов и другой звезде занимали вполне сравнимое время, а до Юпитера тащиться было дольше, чем до Альфа Центавра. А главное, возле ближайших звезд нашлись планеты, пригодные для жизни, похуже Земли, но куда лучше Марса. И люди, впечатленные первыми успехами, радостно рванули осваивать галактику.

Именно тогда и была основана колония на Урале. В известной степени случайно получилось. Гиперпространство выкидывало порой интересные шутки, особенно вначале, когда и теоретические проработки, и сами гиперприводы были еще несовершенны. Прыжок на четыре световых года привел звездолет переселенцев в заданную точку, но во время маневрирования корабль угодил в «червоточину» – точку искривления пространства, соединяющую воедино далекие звездные системы. О них до сих пор спорили, являются эти аномалии природным явлением или же их когда-то создала древняя сверхцивилизация, легендарные предтечи. Но в тот момент звездолет «Витязь» совершил первый в истории человечества контакт с «червоточинкой» и оказался заброшен на расстояние свыше двухсот световых лет безо всяких шансов вернуться обратно.

К счастью, в открытой русскими системе нашлась годная для жизни планета, и, когда двести лет спустя ее открыли вновь, на Урале уже процветала вполне преуспевающая колония аграрного типа, не брезгующая, впрочем, и технологиями. Во всяком случае, собственные внутрисистемные корабли здесь строили вполне успешно, так что в как раз формирующееся государство, Конфедерацию Земных Миров, жители Урала вошли отнюдь не бедными родственниками.

Сейчас Урал был одной из наиболее развитых планет Конфедерации, доминирующей в секторе, но имелся в его излишне далеком расположении от центра государства и минус. Проще говоря, несмотря на все достижения, он оставался пограничной планетой, вечным фронтиром, и нынешняя война создавала для него серьезную угрозу. Неудивительно, что именно Урал вкладывал в подготовку к ней больше сил, чем любые три планеты Конфедерации, вместе взятые. И именно с его стапелей, будто обожравшиеся кашалоты, прыгали в космос самые мощные в стране боевые корабли. Полностью собственной разработки, кстати – здесь предпочитали не объединять продукцию разных концернов, а опираться на изначально совместимую элементную базу.

На генеральное сражение уральцы возлагали много надежд, и потому обоюдное отступление флотов из системы Шелленберг восприняли со смешанным чувством. С одной стороны, вроде как отбились, с другой же – угроза сохранялась. А учитывая, что все боеспособные корабли отправились на эту проклятую войну, еще и выросла. Поэтому, когда системы раннего обнаружения засекли выход из гиперпространства большой эскадры, сигналы тревоги зазвучали по всей планете.

Неизвестные корабли вышли достаточно далеко, примерно в пяти световых часах от границы системы. Так любили действовать неопытные или плохо знакомые с местными космическими лодиями штурманы. Как ни крути, но чем дальше – тем меньше шансов вляпаться в какой-нибудь случайный астероид. Да и вообще, гравитационные возмущения, порождаемые чудовищной массой и потоками жесткого излучения от любой, даже самой маленькой звезды, весьма затрудняют гиперпространственное маневрирование. Выход же слишком близко от нее и вовсе чреват разрушением звездолета, поэтому чем дальше, тем безопаснее. Правда, совсем далеко тоже не выйти – там отсутствие маяка, которым является все та же звезда, и избыточная стабильность гиперпространства требуют для маневра перехода в трехмерные координаты чрезмерно больших затрат энергии. Но данный фактор начинает сказываться на расстоянии примерно световой недели от звезды, так что штурман, ведущий эту эскадру, выбрал оптимальное соотношение между затратами сил и безопасностью.

Обратной стороной медали было то, что визитеры гарантированно обнаруживались системами дальнего зондирования и эффект внезапности утрачивался. Тем не менее, когда у тебя под сотню вымпелов, а планета практически беззащитна, данным фактором вполне можно пренебречь. Учитывая же, что плохому штурману вести такую армаду попросту не доверят, вывод следовал один-единственный: к Уралу заявился враг. И неважно, восточники это, или же какое-то из небольших государств, решив воспользоваться моментом, собирается пощупать окраинную планету Конфедерации на прочность. Результат, в любом случае, один, и выглядят расклады донельзя паршиво.

Верховный Совет планеты собрался на рассвете. Впрочем, это здесь на рассвете, а кое для кого из присутствующих, живущих совсем в другом полушарии, был вечер, а то и вовсе за полночь. Неудивительно, что мало кто из собравшихся мог похвастаться хорошим самочувствием, и малый зал, казалось, заполняли одни только хмурые, недовольные лица. Причем, что характерно, наличие у них тел как-то даже и не воспринималось. Только рожи, усталые, невыспавшиеся... Или, наоборот, нарочито бодрые. Именно такое впечатление сложилось у маршала планетарной обороны Устинова, который, взбираясь на архаичного вида трибуну, в свою очередь подумал о глупости и бесполезности такого сборища. Реально принимающих решения среди этой толпы от силы процентов пять, остальные так, массовка. Но говорильню могут развести до вечера, сжирая и без того утекающее, как песок сквозь пальцы, время.

Впрочем, собственный доклад маршал постарался провести максимально лаконично. Сухие, начисто лишённые эмоционального окраса факты: где обнаружены, какая численность, расчетное время прибытия, что будем делать? Именно этим вопросом, правда, дипломатично

превращенным в целых два предложения, подчеркивающих мудрость собравшихся и их безграничную компетентность, Устинов и закончил свою речь.

Пауза, возникшая после доклада, откровенно затянулась. Вот так-то, с легким оттенком злорадства подумал Устинов. Это вам не громкие речи с трибуны толкать, здесь требуется умение быстро принимать решения. А еще, быть готовыми отвечать за последствия ошибок, чего никто из депутатов не мог себе позволить. Ему даже стало интересно, как эти умники станут выпутываться. Дураков среди них вроде бы нет, на заклятие никто идти не хочет...

К его удивлению, выход собравшиеся все же нашли. Один из заднескамеечников, сиречь тех, кто ничего не решает, а лишь послушно поднимает руку в свете извивов политики, перешептался с кем-то, видимо, получая указания, и, встав, громко, хорошо поставленным голосом спросил:

– Вы уверены, что это враги?

– Я ни в чем не могу быть уверен, молодой человек, – желчно усмехнулся маршал. – По мнению аналитиков, вероятность данного события в пределах восьмидесяти процентов.

– То есть вы утверждаете...

– Я ничего не утверждаю. Я доведу до вашего сведения информацию и ожидаю принятия решения. А армия... Мы выполним любой приказ.

– То есть...

– Сядьте, Капельник, и помолчите.

Ого! А вот и тяжелая артиллерия. Во всех смыслах тяжелая – Василий Петрович Коломиец был двухметрового роста и обладал внушительным пузом, ибо духу чревоугодия противиться не хотел, а новомодным методам похудения не доверял. Впрочем, здоровья в нем было на четверых – силой этот красавец в сто шестьдесят килограммов первосортной говядины обладал неимоверной.

А еще за его спиной стоял весь клан Петровых. Серьезный клан, один из наиболее влиятельных на Урале. Заводы, научные лаборатории, орбитальные верфи... И слово представителя этой империи значило многое. Сейчас Коломиец неспешно встал, окинул собравшихся тяжелым взглядом и резко выдохнул:

– Что может сделать армия для защиты планеты?

– Армия – многое, но она вступит в дело, когда противник уже высадится на планету. Или хотя бы войдет в зону досягаемости оборонительных систем планетарного базирования. Без прикрытия с орбиты это не слишком весомые аргументы. А с флотом у нас – сами знаете...

Да уж, это ни для кого из собравшихся тайной не являлось. На орбите две орбитальные крепости. Хотели бы (да и могли) больше, но правительство Конфедерации упорно мешало усилению планетарной обороны. Их можно было понять. Учитывая особый статус пограничной планеты и ее отдаленность, Урал оказался весьма слабо связан с центром государства. В такой ситуации у многих в головах появлялись идеи об увеличении суверенитета. Если же планета, ошестинившаяся десятком орбитальных крепостей, гарнизоны которых сплошь из местных, да еще и имеющая собственный флот и самодостаточную промышленность, захочет отделиться, удержать ее без большой крови не получится. Вот и не давали усиливать оборону, а корабли старались раздвигать по дальним базам. Сейчас это выходило боком.

Две крепости – тоже сила, конечно, но не то чтобы чрезмерная. Повоевать можно, и даже неплохо, однако здесь возникало еще одно «но». Успешная оборона с упором на орбитальные крепости возможна только при наличии маневренных соединений, придающих ей гибкость. А вот с этим дело обстояло откровенно паршиво.

Все тяжелые корабли ушли в систему Шелленберг, на орбите Урала находились лишь вконец устаревший крейсер «Каспий», несколько эсминцев и москитный флот. Лучше, чем ничего, но откровенно недостаточно. Против ударной эскадры такими силами не выстоять, это понимали все. На некоторое время в зале воцарилось тягостное молчание.

– Отто Оттович, что скажете?

Берг, представитель крупнейшей на Урале военно-промышленной корпорации, задумчиво погладил короткую седую бороду и негромко сказал:

– Боюсь, мы сможем немного.

Слова он произносил с истинно немецкой правильностью и четкостью, и это было тем более удивительно, что родным языком этот высокий, худой старик считал русский. Впрочем, к этому давно привыкли и не обращали внимания, тем более сейчас.

– А точнее? – потер усталое лицо Коломиец.

– Можно быстро вооружить приемные терминалы. Все необходимое на складах имеется. Также можно вооружить транспортные корабли. Еще на стапелях, наших и Василия Петровича, в разной степени готовности находятся...

– У нас не более трех суток, – как бы между делом заметил Устинов. – Возможно, даже меньше.

– Тогда, разумеется, вопрос о достройке кораблей снимается. Но вооружить терминалы и хотя бы часть грузовых кораблей вполне успеваем.

Маршал кивнул. Действительно, терминалы на орбите Урала непростые. Лишенные возможности строить полноценные орбитальные крепости, власти планеты нашли выход. При строительстве станций-терминалов, принимающих грузовые и пассажирские корабли, в их конструкции заранее закладывалась возможность быстрой перестройки и установки вооружения. Сами орудия и ракетные установки лежали в арсеналах планеты, их регулярно проверяли, обновляли и модернизировали. Установить их можно быстро, так что еще четыре крепости третьего класса на орбите появятся в ближайшие часы. Та же история с построенными на местных верфях гражданскими судами – вспомогательные крейсера из них получатся что надо. Но главное даже не это. Главное, маршалу открытым текстом сказали: те, за кем стоит промышленность, намерены драться. Слишком многое они теряют в случае поражения, а своего эти люди просто так не отдадут.

– Господа, а стоит ли торопиться? Лично я полагаю, вначале надо узнать о намерениях этой эскадры, а потом уже действовать. Возможно, они пришли сюда с мирными намерениями. Или, я это также допускаю, нам удастся договориться. Война – крайне невыгодное мероприятие, и дипломатическим путем разрешить многие вопросы можно и быстрее, и выгоднее.

О-па! А вот это уже куда хуже. Финансовые тузы, похоже, как всегда имеют собственное мнение, что сейчас однозначно дал понять их представитель, Сергей Абрамович Гуттенберг. Как всегда элегантный, подтянутый, в отлично сидящем белом костюме и манерами истинного джентльмена. А еще владелец, неофициальный, разумеется, одного из трех крупнейших банков на планете. Не единоличный владелец, такое сейчас в принципе невозможно, однако блокирующий пакет акций значит многое. И, кстати, с Бергом он на ножах – старик чересчур хорошо его знает и за красивой оболочкой разглядел в Гуттенберге ничтожество. Устинов, правда, тоже, но маршалу хватило осторожности держать свое мнение при себе, а вот ехидный, прямолинейный и не боящийся последствий Берг – нет, в лицо сказал, да еще прилюдно. Такое не забывают и не прощают, и наверняка в нынешнем демарше банкира личных мотивов не меньше, чем трезвого расчета.

– В самом деле, – Аванесян, худой, вислоносый, с лицом, вобравшим в себя, кажется, всю скорбь мира, согласно закивал. – Война наносит чрезвычайно высокие убытки...

– Молчать! – Коломиец, огромный, как медведь, по-медвежьи же и развернулся. Выглядело это жутковато. – Белены объелись?

Устинов тихонечко вздохнул. Похоже, назревала свара, возможно даже, с рукоприкладством. В парламенте, кстати, явление отнюдь не редкое. Вот только сейчас, когда времени практически нет... Великий Космос, как не вовремя! А главное, даже если банкирам прямо сейчас начистят морды – а к тому, похоже, все и шло, промышленники имели численный перевес, да

и среди финансистов далеко не все поддерживали Гуттенберга и, как минимум, не собирались вмешиваться – это ничего не решит.

Больше всего в этот момент Устинову хотелось плюнуть на все, дать отмашку – и взвод его личной охраны живо навел бы здесь порядок. Минутное дело. Вот так и становятся диктаторами... Однако маршал промедлил, размышляя, какую-то секунду – именно то время, что отделяет вождя от исполнителя. И нашелся другой, успевший перехватить инициативу.

– А ну, прекратите. Ведете себя, как мальчишки.

Голос был женский, но преисполненный той уверенности, которая дается годами работы... в первую очередь, над собой. Ну и еще, конечно, соответствующей генетикой. Ибо есть женщины, что и коня на скаку, и в горящую избу, и мужа скалкой. Или вот депутатов – подручными, так сказать, предметами.

Звонко цокая каблуками, к замершим лицом к лицу забиякам, словно ангел с небес, сошла ОНА! Хелен Громова, одна из немногих присутствующих здесь женщин. Да, уральцев в Конфедерации критиковали за то, что у них во властных структурах женщин мало, но вот незадача, если они сюда попадали, то достигали немалых высот, порой недоступных жителям более «демократических» планет. Наверное, сказывался жесткий естественный отбор...

Хелен была как раз из их числа. Есть старая притча о том, как Бог создал женщину. Расхохотался. И сказал: «Да ладно, покрасится». Так вот, к Громовой это относилось в полной мере. Классическая Тетя Лошадь – высокая, худая, с грубоватым, вытянутым лицом. Будучи совсем не дурой, в молодости она не стала разоряться на пластических операциях, а решила доказать всему миру, что ничем не хуже гламурных клуш. А так как природа не обделила ее ни умом, ни решительностью, то попробовала она себя на самом опасном оселке – политике. И, неожиданно для всех, преуспела.

Сказать, что Хелен была популярна – значит, ничего не сказать. За ней не стояли сильные кланы и большие деньги, зато она отличалась редким даром перехватывать инициативу, находя устраивающие всех компромиссы. И, в результате, ее слово весило едва ли не больше, чем у любого из спорщиков поодиночке. Вот и сейчас она бесстрашно вошла прямо в центр намечающейся драки и окинула всех спокойным ироничным взглядом. Сверху вниз, строгим взглядом учительницы, отчитывающей первоклашек окинула, ухитряясь снисходительно глядеть даже на тех, кто был выше ее ростом.

– Василий Петрович, ну, в самом деле. Мы и так все знаем, что у вас объем бицепса самый большой в помещении, не надо это без нужды доказывать. Отто Оттович, вы же взрослый человек и должны благоприятно воздействовать на товарища. А вы, Сергей Абрамович? – Громова повернулась к Гуттенбергу. – Разве вы не понимаете простых вещей? Да, война – это кругом убыточное мероприятие, нужны переговоры. Однако сами подумайте, как их лучше вести – плюя на собеседника с крепостной стены или окруженным его войсками в чистом поле? Как? Ответа на слышу...

Раз-два-три... Устинову оставалось лишь завистливо вздохнуть. В считанные минуты одна-единственная женщина смогла найти нужные слова, развести всех по углам и направить разговор в требуемое русло. И недавние противники спорили уже не по вопросу сражаться или нет, а как это лучше сделать. Зависть, конечно, плохое чувство, но тут маршал не смог удержаться. Впрочем, не так и долго пришлось завидовать – спустя какой-то час маршал уже покинул заседание, у него хватало и своих дел.

Система планеты Урал. Сутки спустя

Тяжелый крейсер «Каспий», последний из четырех кораблей, построенных более ста лет назад по проекту «Орлан», давным-давно безнадежно устарел. В этом была его слабость, но в этом же, как ни странно, оказалась и его сила. Просто потому, что когда старый крейсер решили вначале списать, а позже, слегка поразмыслив, переделать в сторожевой корабль, он выпал из поля зрения вездесущих спецслужб. Естественно, местные умельцы не могли пройти мимо такого случая, и «Каспий» превратился в отличную, а главное, никем извне не контролируемую платформу для экспериментов. И пускай новый корабль построить было дешевле, но зато кто и что прикручивает на этом крейсере, никого не интересовало. А значит, на «Каспии» можно было опробовать технологии, которые во вполне обозримом будущем грозили стать неприятным сюрпризом и для врагов, и для тех, кто клялся в дружбе.

Во время его строительства на Урале еще не существовало единого стандарта систем вооружения. Именно это обстоятельство и не давало провести стандартную модернизацию – новые орудия попросту не влезали в старомодные башни. Вместе с тем, корабль был, по тем временам, большим и устойчивым, что автоматически делало его хорошей артиллерийской платформой, а потому вопрос решили кардинально. Корпус не просто раскурочили, а еще и распилили, добавив к нему пятидесятиметровую центральную секцию. В тот момент аксакалам от кораблестроения это казалось ошибкой. Да, удлиненный корпус мог вместить и более мощное вооружение, и лучшие реакторы, но при этом его прочность и жесткость заметно снижались. Нарушенный силовой каркас не был рассчитан на изменившиеся нагрузки, он и раньше-то едва справлялся. Однако молодые гении корабельной архитектуры не успокоились на достигнутом.

На отдельной верфи было построено нечто вроде гигантского треугольного крыла. С инженерной точки зрения конструкция казалась довольно простой – бронированный несущий модуль для ракетно-артиллерийских систем. Те, кто его строил, только пальцем у виска крутили, не понимая, зачем громоздить дорогую и явно малоприменимую на практике дуру. Зато это прекрасно понимали те, кто его конструировал, и вскоре они продемонстрировали это, опустив на «крыло» искореженный звездолет.

Получившаяся в результате конструкция больше всего напоминала увеличенный до безобразия шаттл из тех, что использовались в начале космической эры. Не очень рационально, как тогда казалось. Зато она приобрела и жесткость, и прочность, и очень много места, на котором можно было разместить вооружение. Впоследствии по этой схеме построили немало кораблей, далеко не худших в своем классе, но то позже, а пока эксперименты продолжались.

«Каспий» выпотрошили, освобождая место под огневые башни, габариты которых на сей раз принимались с изрядным запасом. Правда, сектор обстрела размещаемых в них орудий был несколько ограничен. Что поделаешь, это оказалось одной из врожденных болезней «крылатой» схемы. Зато уж калибр не подкачал. Вспомогательную артиллерию и ракеты расположили на крыльях, а новые реакторы позволяли не только обеспечивать энергией орудия и силовые установки, но и установить самый мощный из имеющихся в тот момент генераторов защитного поля. Словом, постарались.

В получившемся на выходе гиганте довольно сложно было распознать корабль-донор. По сути, от него, кроме названия и кое-каких элементов корпуса, ничего и не осталось. Зато, формально оставаясь тяжелым крейсером, он вплотную приблизился по характеристикам к своим линейным собратьям. И, так же естественно, несмотря на вполне современные маршевые двигатели, никогда не ходил в дальние походы. Только на ходовые испытания, не более того, имея статус корабля планетарной обороны, что всех, по большому счету, устраивало.

В последующие годы безупречной, но, в целом, рутинной службы «Каспий» перенес еще кучу модернизаций, послужив испытательным полигоном для множества идей. К слову, не всегда удачных, однако возможности корабля продолжали расти. Увы, сейчас возможности модернизации были практически исчерпаны – для перспективных систем вооружения, которые вот-вот должны были быть приняты флотом Конфедерации, он не годился. Не те габариты, да и реакторы достаточной мощности уже не впихнуть. Так что очень скоро корабль ждала консервация, а через какое-то время и утилизация. Неудивительно, что экипаж его был собран, что называется, с бору по сосенке. Старики, которых жалко списывать, но и брать в поход уже нельзя, проштрафившиеся или просто не особо ценные кадры... В общем, неудивительно, что «Каспий» остался охранять планету. Задача чисто номинальная, но сейчас этот крейсер, никем не принимаемый в расчет, мог оказаться настоящим джокером в рукаве.

В данный момент корабль занимался несвойственным ему обычно делом. Выключив двигатели, он серой тенью скользил в пространстве. Колоссальная инерция несла его вперед подобно древним химическим ракетам, на которых люди столетия назад только начали осваивать космос. Не самый удобный вариант полета, зато и обнаружить крейсер, тем более на таком расстоянии, вряд ли получится.

А для того, что делал сейчас крейсер, секретность была очень важна. Кормовые погрузочные порты корабля, огромные бронированные ворота, сейчас открытые настежь, то и дело выплевывали в космос небольшие пластиковые контейнеры. К сожалению, «Каспий» не был специально приспособлен для подобной работы, и разгружать их приходилось вручную. Для этого в кормовых отсеках отключили искусственную гравитацию, но все равно людям в тяжелых, неудобных скафандрах приходилось прилагать массу усилий, чтобы выпихнуть массивные ящики. Не будь вокруг космос, от них бы наверняка валил пар, а так грузчики просто плавали в собственном поту. Страховочные фалы, сковывающие движения, тоже изрядно мешали, но выбора у людей не было. Приказ есть приказ, и им оставалось лишь продолжать работу, тяжелую, нудную, но притом необходимую.

В каждом из контейнеров затаилась до поры, до времени смерть. Точнее, четыре смерти – четыре компактные ракеты малого радиуса. До поры, до времени эти длинные красноносые сигары будут просто висеть в пространстве, не обращая ни на что вокруг внимания. Как-то, возможно, так и останутся здесь до тех пор, пока не «протухнет» от жесткого излучения капризная электроника в головках самонаведения, тут уж как повезет. Но стоит в радиус действия установленного в контейнере пассивного локатора попасть чужому кораблю...

Да-да, если корабль не ответит на запрос «свой-чужой», последствия для него окажутся самыми неприятными. Болтающиеся в космосе контейнеры воспринимаются радаром, как небольшой поток метеоров с низкой скоростью и массой. На такие многие корабли даже не обращают внимания – силовое поле каменюкам все равно не пробить. И потому, когда чужие корабли окажутся на оптимальной дистанции, контейнеры выплунут свою смертоносную начинку. Оказаться под обстрелом сотен ракет – такого врагу не пожелаешь, а даже единственный ядерный взрыв в пару десятков килотонн на границе силового поля вполне способен вывести из строя средних размеров крейсер. При удаче и линкор можно остановить. Вот такие они, минные поля космической эры...

Наконец последний контейнер, беспорядочно кувыркаясь, улетел в космос, и створки люков медленно закрылись, восстанавливая герметичность. Все, минное поле установлено, оставалось главное – сделать так, чтобы неизвестные корабли (а идентифицировать их все еще не удавалось) на него вышли. Не такое муторное дело, как подготовка ловушки, но гораздо более опасное.

Командир старого крейсера, капитан первого ранга Ломакин, был единственным человеком на корабле, владеющим информацией о происходящем. Пожилой офицер, заработавший в космосе кучу орденов, шрам на половину лица и седые виски, очень хорошо понимал, что

задача их, конечно, не для смертников, но весьма к этому близкая. Но иного выхода, кроме как пытаться раздербать вражескую эскадру, наводя ее на спешно устанавливаемые сейчас минные поля, он не видел. Им надо было тянуть время. Курьеры, целых три, чтобы уже наверняка, отправились в столицу с донесением о происходящем. Оставалось надеяться, что помощь подоспеет вовремя. Вот только в глубине души Ломакин в это не верил. Не потому, что они не смогут продержаться – какое-то время оставшиеся корабли и орбитальные крепости наверняка удержат агрессора. Вот только на помощь центра рассчитывать – занятие дохлое, не слишком-то любит правительство Конфедерации рвать задницу ради планет вроде Урала. Разве что сыграет какую-то роль стратегическое значение крупной промышленной планеты, но это, увы, под большим вопросом. Уж больно в Конфедерации не любили уральцев – за независимое, на грани наглости, поведение, храбрость в бою и собственное, не зависящее от других мнение что когда делать и как жить. В общем, при сложившихся раскладах оставалось только жалеть, что планета отдала на общее дело все нормальные корабли вместо того, чтобы воспользоваться моментом, отделиться и налаживать собственную, независимую от планов чужого, в общем-то, правительства оборону.

Однако реальность реальностью, а приказ приказом. И надежду, которая умирает последней, тоже никто не отменял. А потому старый крейсер, коротко толкнувшись двигателями, набрал скорость, немного скорректировал курс и устремился навстречу чужой эскадре. По инерции, естественно – быть обнаруженным раньше времени в планы Ломакина не входило.

– Товарищ капитан первого ранга...

– Что? – Ломакин повернулся, окинул взглядом вестового... Не по уставу Конфедерации обращается, конечно, однако на своей планете и на своих кораблях допустимы определенные вольности, высоким начальством не одобряемые. – Говори, только быстро.

– Время завтракать...

– А-а, – немного расслабился каперанг и посмотрел на часы. Действительно, восемь утра по общепланетному. Это он, выходит, без сна уже почти сутки. – Ладно, давай...

Одна из привилегий командира – персональный вестовой, у остальных ничего подобного не предусмотрено. Не столь уж и велик крейсер, чтобы таскать еще и этот груз. Большинство капитанов отказываются и от этого, но Ломакин, успев пробежать по всем ступеням корабельной иерархии, от простого матроса до командира звездолета, ценил комфорт в любом его проявлении. А потому, сдав вахту старпому, немедленно направился к себе в каюту. У него, если верить расчетам, оставалось не менее семи часов до встречи с кораблями вероятного противника. Время это следовало потратить с толком. В смысле, поесть и хоть немного поспать. Здоровье – оно не железное, и во время боя на мостике должен находиться бодрый, уверенный в себе человек, а не едва держащаяся на ногах от усталости развалина. Так что в каюту, на скорую руку принять душ – и выйти как раз к моменту, когда на столе уже исходит паром каша (британцы со своей овсянкой гении!), блестят коричневыми боками аккуратно обжаренные тосты, благоухает свежесваренный кофе... Чем не повод любить свою работу?

Ломакин сел, аккуратно, можно сказать, благоговейно взял стоящую тут же бутылку, посмотрел на этикетку:

– Вот так. Распитие с утра рома делает вас не алкоголиком, а пиратом.

С этими словами он налил в высокий прозрачный стакан ровно сто граммов темной жидкости и одним духом выпил. Вновь посмотрел на бутылку, на этот раз с тоской, но повторять не стал. Выпить Ломакин любил, из-за этого, в принципе, и не сделал толком карьеру, зависнув перед пенсией на старом крейсере, но, когда требовалось, умел держать в узде свои желания. Сейчас был как раз такой случай, и командир «Каспия» принялся за завтрак, швыряя в рот еду, будто дрова в топку...

Встреча с незваными гостями произошла точно по расписанию. Штурман крейсера еще раз подтвердил свою квалификацию – на радарх дальнего обнаружения чужие корабли появи-

лись лишь на минуту позже расчетного времени. Для таких дистанций, да еще когда скорость твоих визави определяется ну очень приблизительно, это как снайперский выстрел. Высший пилотаж, иначе и не назовешь.

Теперь информация полилась на крейсер сплошным потоком. Если раньше приходилось пользоваться мощными, но грубыми радарными планетарного и орбитального базирования, то сейчас крейсер смог использовать собственную аппаратуру, ретранслируя данные на Урал. А уж там аналитики могли обрабатывать ее хоть до посинения, Ломакину их выводы не очень-то и требовались. Данных собственного информационного центра крейсера было вполне достаточно, чтобы понять, с кем его свело изменчивое военное счастье.

Итак, не восточники, как и предполагал Ломакин. В штабах могут думать, что хотят, но он, старый космический волк, хорошо знал, что у этих узкоглазых есть одна общая черта. Кто бы ни командовал их эскадрами, он всегда очень тщательно подойдет к планированию операции. И уж штурмана, хорошо знающего навигационные условия в конкретной системе, они всяко найдут. Не своего – так пленного, или со стороны наймут – космос велик и найти в нем можно кого угодно. Не говоря уже о том, что до войны корабли восточников были здесь частыми гостями, и ознакомиться с нюансами проводки кораблей им труда не составляло.

Где уж они шляются, Ломакин не знал и знать не хотел. Пускай хоть сдохнут – воздух будет чище. Ну а сюда явились те, кто решил погреть руки у чужого огня. И, кстати, имел на то неплохие шансы.

Корабли, приближающиеся к Уралу, нельзя было назвать совсем уж бараклом, но и откровением кораблестроительной мысли они не были. Не менее восьми линкоров, с десятков тяжелых крейсеров, пара авианосцев. В основном производства Конфедерации, но попадались среди них и корабли восточников и – вот номер – гробы, сошедшие со стапелей Индийского Союза. Объединяло их всех одно – в нормальных флотах такие корабли еще не списываются, но уже выводятся в резерв, заменяясь более современными. Или, как вариант, распродают, что сейчас и наблюдалось.

Интересно, кто ведет эти звездолеты? Увы, на такой ответ радары ответа не давали, и Ломакину оставалось лишь гадать, с кем ему, возможно, очень скоро предстоит драться. Факт тот, что это какое-то из небольших государств – именно они скупают подобные корабли. Совсем уж мелочь, состоящая из единственной, не самой развитой планеты, имеет на вооружении то, что нормальные страны раздают задаром, лишь бы не возиться с утилизацией. Дескать, прими, убоже, что нам не гоже. То же, что видел сейчас Ломакин, покупают страны с амбициями, увесистым кошельком, но слабой промышленной и научно-технологической базой. И кандидатов на роль агрессора было более чем достаточно.

Еще месяц назад при виде этой армады Ломакин лишь скривил бы презрительно губы. Увы, сейчас расклады были совсем иными. Старье-старье, но его много, и если чужие корабли доберутся до планеты, то попросту задавят обороняющихся числом. Однако до этого момента еще было время, и использовать его надо было с умом.

А данные продолжали поступать. Главный оператор тактических систем, двухметровый здоровяк, густо татуированные плечи которого, казалось, готовы были порвать комбинезон, уже побагровел от натуги. Его гладко выбритая, похожая на бильярдный шар голова покрылась мелкими капельками пота. Тем не менее, он успевал обрабатывать информацию, и благодаря мозгам, скрытым в этой идеально круглой башке, Ломакин владел обстановкой. Насколько это в человеческих силах, разумеется.

Эскадра шла в классическом походном ордере – ядро из тяжелых кораблей, со всех сторон окруженных эскортом. Корветы и эсминцы уберегут от мелких неприятностей, а навстречу серьезному противнику успеют развернуться основные силы, благо зона охвата радаром повышается вдвое, и за счет расположения кораблей, и потому, что каждый обшаривает направленным лучом свой, узкий сектор пространства. Будь на этих кораблях аппаратура, стоящая

на вооружении великих держав, «Каспий» уже давно обнаружили бы. Ну, скорее всего обнаружили – к хорошей технике нужны классные операторы, а с этим у небольших стран дело традиционно обстояло туго. Однако, судя по тому, что эскадра никак не реагировала на присутствие крейсера, дураков, продающих варварам новую технику, на сей раз не нашлось.

Ломакин усмехнулся. В принципе, сработал один из вариантов, предсказанных аналитиками. Не самый, как они считали, вероятный, однако как раз это непринципиально. Главное, на такой случай имеется соответствующая домашняя заготовка, и задача Ломакина – воплотить ее в жизнь. Самому воплотить, а не просто запустить тактический компьютер.

Повинуясь команде, вперед выдвинулись оба сопровождающих «Каспий» фрегата. Эти корабли были куда современной крейсера, а значит, помимо прочего и малозаметнее во всех диапазонах. Сейчас они не торопясь шли на сближение с противником, в то время как флагман, ловко отработав двигателями, описал гигантскую дугу и лег на курс, параллельный эскадре, но заметно ее опережая. Его задача была сейчас как у того засадного полка в Куликовской битве – не выдать свое присутствие раньше времени. Соответственно, все эволюции совершались крайне осторожно и вне пределов досягаемости вражеских радаров. Ломакин надеялся, что все у него получилось, но так это или нет, мог показать только бой. Который, надо сказать, не преминул начаться.

Противник заметил фрегаты лишь когда они уже начали ракетную атаку. Небольшие корабли дальнего радиуса, фрегаты могли дать лишь один залп, но очень мощный. Выпустив разом весь запас ракет, они оставались фактически лишь с легким артиллерийским вооружением, однако драться против серьезного противника в их задачу не входило. Не под это их проектировали, и тактика применения планировалась соответствующая. Залп – и корабли, развернувшись, устремились прочь.

В стане врага было отмечено замешательство, которое длилось секунд пятнадцать, не более. Непозволительная роскошь – за это время ракеты успевают пройти часть пути без организованного противодействия. Потом, естественно, все начинают суетиться, плотность огня становится запредельной, однако и бестолковой. Стая «умных» ракет, обмениваясь информацией, образовала нечто вроде псевдомозга, который моментально нашел в этом хаосе практически безопасные коридоры. В них ракеты и устремились. До цели, конечно, добрались не все, но даже и уменьшившись числом втрое, урон они нанесли ощутимый.

Первым под удар угодил корвет проекта 641. Достаточно старый корабль, современник «Каспия», построенный на одних с ним верфях. Судьба изменчива, и когда-то этот корвет продали. Их вообще много строили на экспорт – сбалансированные и недорогие, эти кораблики пользовались спросом, так что встретить их можно было где угодно. Сейчас круг замкнулся, четыре корвета пришли в родную систему в составе вражеской эскадры, и символично, что один из них стал первой жертвой начавшегося сражения. Слабенькое силовое поле, не предназначенное для противодействия современным боеприпасам, не выдержало взрыва мегатонной боеголовки, а следующая ракета просто разнесла оставшийся беззащитным корабль на атомы. Первая жертва сегодня, но далеко не последняя.

Уничтоженный корабль – это не только увесистая плюха, но и дыра в противоракетной обороне эскадры. Она, конечно, легко затыкается перераспределением конфигурации залпа соседних в строю кораблей, но мгновенно это не происходит, и стая ракет прорвалась сквозь огонь зениток, мгновенно рассыпавшись на группы и атаковав сразу несколько кораблей.

На сей раз, псевдомозг выбрал цели посерьезнее, чем старый корвет. Крейсер типа «Индианаполис» был атакован сразу тридцатью ракетами. Дюжину ему удалось сбить, но остальные достигли цели. Когда погасли вспышки взрывов, на месте корабля не осталось ничего. Вообще ничего.

А вот брат-близнец крейсера сумел отбиться, хотя и потерял защитное поле. Группа, атаковавшая его, оказалась меньше, а заградительный огонь плотнее. Корабль отбивался до конца,

и даже когда погасла защита, экипаж не ударился в панику. И результат вышел соответствующий – последнюю ракету сбили буквально в паре сотен метров от корпуса корабля, на долю секунды опередив ее взрыватель. Корабль остался в строю.

Зато эсминец типа «Мицуки» отразить атаку не смог. Ракета, взорвавшись, немного не дойдя до его корпуса, переломила звездолет пополам. Та же участь постигла еще один эсминец неопознанного типа. Последнее, кстати, и неудивительно – после кустарных модернизаций внешний вид кораблей часто изменяется до неузнаваемости. Эсминец дрался до конца, но взрыв ракеты буквально испарил носовую часть корпуса. При таком повреждении у находящихся в корме оставались еще невеликие шансы уцелеть, но сам корабль был теперь полностью небоеспособен, и даже восстановлению не подлежал.

Еще три корабля, эсминец и два фрегата, получили серьезные, но не фатальные повреждения, и на том первый успех эскадры Ломакина закончился. Как обычно, лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем хотелось бы, цинично подумал каперанг, и без особых эмоций продолжил наблюдение за противником.

Откровенно говоря, самым лучшим для него раскладом было бы, если б вражеские корабли, пылая праведным гневом, погнались за возмутителями спокойствия. Увы, такого подарка никто Ломакину делать не собирался. Кто бы ни стоял во главе эскадры вторжения, он прекрасно понимал и преимущество уральских корветов в ускорении, и тот факт, что пока его корабли отбивали ракетную атаку, беспорядочно маневрировали, а потом восстанавливали строй, возмутители спокойствия получили неплохую фору во времени. Так что никакой погони организовано не было, и эскадра продолжила идти прежним курсом.

Ну что же, Ломакин философски пожал плечами. Значит, наступало время для второго акта марлезонского балета. Куда более сложного, опасного и призванного убедить противника, что, во-первых, за фрегатами нет никакой группы поддержки, а во-вторых, что догнать их будет вполне по силам. И легкие корабли развернулись, ложась на обратный курс.

На этот раз не было лихого кавалерийского наскока и могучего ракетного залпа. Фрегаты приблизились к вражеской эскадре с кормовых углов и открыли огонь, абсолютно неэффективный из-за слабости их орудий. Однако же, попадали – на силовых полях чужих кораблей, принявших на себя удар, отчетливо заметны были энергетические всплески. И, естественно, такое хамство не могло остаться без внимания.

Противник начал отвечать, причем довольно активно. Не ракетами, естественно – попасть в небольшую, крайне маневренную цель устаревшим оружием сложно. Однако фрегаты сейчас находились в пределах досягаемости орудий главного и среднего калибра, и те открыли плотный огонь. Чего, собственно, на фрегатах и добивались.

Сейчас команды этих кораблей, фактически подставляясь под огонь противника, решали сразу две задачи. Во-первых, получали и передавали на крейсер информацию о характеристиках вооружения противника, а во-вторых, старались его раздражить. И то и другое у них получилось – когда после очередного попадания защита одного из фрегатов потухла, а сам он, оставляя за собой густой хвост газа, стал отклоняться от курса, четыре эсминца начали маневр сближения, чтобы добить подранка.

Интересно, что бы сказали командиры эсминцев, знай они, что защита фрегата в полном порядке и ее просто выключили, а сброс воздуха производится через открытый люк. Однако в подобные тонкости их никто посвящать не собирался. Один из фрегатов отвернул и начал быстро ускоряться, его «поврежденный» собрат сделал то же самое, но с заметным опозданием, да и ускорился не так интенсивно. В общем, эсминцы медленно, но верно его настигали.

Экипаж фрегата «Полюс» очень рисковал. Бодаться с эсминцами, пускай даже устаревшими, занятие бесперспективное – любой из них превосходил фрегат по массе покоя, мощности огня и эффективности силовой защиты, а уж вчетвером... Тем не менее, командир «Полюса» упорно изображал раненую утку, и делал это столь мастерски, что противник не

замечал подвоха ровно до того момента, как эсминцы влетели прямо в распахнутые объятия ожидающего их крейсера. А уж тот своего не упустил!

Если вы встретили в лесу медведя, клещей можно уже не бояться. Именно это сейчас и произошло – сразу после того, как «Каспий» отсалютовал эсминцам в упор бортовым залпом, они сразу же бросили преследование и начали маневр уклонения. Втроем – четвертый, превратившийся в мертвую, раскаленную докрасна, истекающую газом развалину, продолжал следовать прежним курсом, с большой долей вероятности через пару недель выводящим его за пределы системы. Впрочем, это никому уже не было интересно, поскольку все занялись куда более увлекательными делами.

Один из эсминцев успел отвернуть. Какие чудеса творили его рулевые и механики, так и осталось тайной, но он, разворачиваясь, ухитрился пройти по той грани, за которой люди превращаются в кровавый фарш от перегрузок. Наверняка кто-то на его борту погиб и покалечился, но, судя по тому, что звездолет сохранил управление, перегрузки удержались в пределах допустимого. Форсируя двигатели, корабль заложил широкую дугу и проскочил мимо «Каспия». Через несколько минут его двигатели выйдут из строя, но это будет потом, а пока что, выжигая их, корабль стремился выйти из-под обстрела. Единственный залп, который по нему дали, пропал втуне – артиллеристы крейсера просто не ожидали от противника такой прыти и не смогли рассчитать нужную поправку.

Зато на двух других эсминцах они отыгрались по полной. Их командиры делали маневр уклонения так, как предписано тактическими наставлениями, и в результате не смогли уклониться от опасной встречи. В результате головной корабль словил не меньше двух десятков попаданий и развалился на части. К счастью для экипажа последнего эсминца, артиллеристы «Каспия» увлеклись и слишком поздно обратили на него внимание. Заработав несколько пробоин, с погасшим полем, он все-таки сумел развернуться и из последних сил тянул к эскадре.

Настало время Ломакина сдерживать своих людей. Догнать и расстрелять покалеченный эсминец не проблема, но ему требовалась не мелкая победа. Задачей Ломакина было заставить противника на все наплевать и погнаться за собой. Именно поэтому он и повел «Каспий» с ускорением, лишь незначительно превышающим возможности подбитого эсминца. Пускай враг увидит перед собой тихохода, которого можно легко догнать, но притом вооруженного достаточно, чтобы огрызнуться. Тогда есть шанс, что он погонится за «Каспием» всеми силами.

Так и получилось. Видя опасность, угрожающую эсминцу, вражеский адмирал развернул навстречу крейсеру основные силы. Настала очередь Ломакина разворачивать свой корабль на грани фолы, так, чтобы трезвый расчет у противника сменился азартом охоты. А для этого надо было создать у врага впечатление, что вот-вот, еще немного, еще чуть-чуть, и они догонят старый крейсер. А пока...

На развороте «Каспий» выпустил все ракеты, которые могли дотянуться до противника, и дважды добился результата. Никого не угробил, правда, но изрядно повредил тяжелый крейсер и сделал дыру в скуле вражеского линкора. Сам тоже поймал несколько попаданий, но силовое поле выдержало, и крейсер, палнув напоследок из кормовых башен, ринулся наутек.

Откровенно говоря, Ломакину было немного обидно. Его крейсер, пускай и старый, но капитально перестроенный и оснащенный едва ли не лучшим из того, что мог дать военно-промышленный комплекс Урала, был способен справиться с любым кораблем преследователей, исключая разве что линкоры. Да и от линкора отбиться шансы имелись. Но когда за тобой несется вот такая, быстро теряющая строй и превращающаяся в беспорядочную кучу, толпа... Один в поле не воин, и этим все сказано. Приходилось драпать вслед за благоразумно свалившими фрегатами, но при этом не отрываться от противника. Удрать, оставив их далеко за кормой, не проблема, вот только операцию тогда можно считать проваленной.

Все душевные муки каперанга были компенсированы три часа спустя, когда нестройная толпа, в которую превратилась вражеская эскадра, со всего маху влетела в минное поле.

Сохрани они строй – и последствия вряд ли оказались бы катастрофическими. Первыми приняли бы на себя удар легкие корабли эскорта – в принципе, защитить главные силы флота, пускай и ценой собственной жизни, является одной из их задач. Однако сейчас, в азарте погони, вперед вырвались крейсера и эсминцы, поголовью которых и был нанесен сегодня жуткий ущерб. От практически одновременного залпа нескольких сотен ракет в упор защититься невозможно, и пускай они слабее тех, которые несут корабли, приятно все равно мало. Космос вспыхнул!

Сколько всего кораблей погибло в огненной ловушке, подсчитать уральцам так и не удалось. Вдобавок, в образовавшуюся кучу-малу дали залп успевшие погрузить боекомплект с корабля снабжения фрегаты, да и «Каспий» добавил огонька. И Ломакин, с выражением мрачного торжества на лице наблюдающий развернувшуюся перед ним картину локального апокалипсиса, лишь хмыкнул:

– Ну что же, господа-товарищи, я вас поздравляю – мы сегодня славно поработали. Курс на базу.

И вновь замер перед обзорным экраном, скрестив руки на груди и словно изображая Дарта Вейдера, любимого героя своего детства. Получалось... реалистично.

Откровенно говоря, он был не совсем доволен. Еще бы пару-тройку кораблей, пускай даже и эсминцев, но с полным боекомплектом, и флот противника можно было бы, пользуясь моментом, помножить на ноль. Ну, или хотя бы выбить легкие корабли, без которых гиганты-линкоры много не навоюют. Увы, но эсминцы командование, не слишком верящее в успех операции, придержало, и сейчас это выходило боком. «Каспий» же и фрегаты, расстреляв все ракеты, практически исчерпали возможности к активным действиям, а транспорт снабжения, как и полагалось по диспозиции, ушел подальше от места боя и направлялся к родной планете. Осторожность стала ошибкой... Вдобавок, крейсер все же получил на этапе погони серьезные повреждения. Не фатальные, конечно, однако дальше воевать не получится, и потому им приходилось возвращаться к планете и надеяться, что напуганный враг отступит. Ну а не отступит... Что же, пару дней они в любом случае выиграли.

Планета Урал. Через два часа

– Господа, я вас поздравляю! Первый раунд за нами.

Нельзя сказать, что сообщение было принято с восторгом, но некоторая доля здорового энтузиазма присутствовала. Первый раунд – это еще не вся битва, но и не плюнуть-растереть. Конкретно сейчас двое суток – не менее пяти вооруженных транспортов. Не бог весть что, но в их ситуации харчами перебирать не приходится. Вдобавок, на верфях клятвенно пообещали успеть достроить два корвета и фрегат. Опять же, немного, да и в бой им предстоит идти без положенных испытаний и с не успевшими освоить технику командами, но все равно что-то, а два дня – это время хоть немного обкатать новинки.

Устинов был вполне удовлетворен достигнутым результатом. Если уж приходится терять время и силы на болтовню, то делать это надо с пользой, направляя энергию парламентариев в нужное русло. Да и о будущем стоило задуматься, в конце концов, война не будет длиться вечно, и, если все же удастся отстоять планету, военные станут весьма популярны в народе.

Маршал был достаточно циничен, чтобы не строить иллюзий: еще пара лет – и все, отставка. К тому времени стоило бы иметь запасной аэродром, и место в Верховном Совете планеты – отнюдь не худший вариант. И для себя, и для Ломакина – этот алкоголик уже сейчас, буквально через минуту после сообщения о разгроме, который учинил вражескому флоту, стал национальным героем. Иметь такого на подхвате необходимо, в конце концов, короля играет свита.

Все так, но только все это потом. Для начала следовало хотя бы просто выжить и отстоять планету. В то, что к ним придет помощь, Устинов не верил и, хотя послал на прорыв курьерские корабли, знал – дело это редкостно бессмысленное, и спасение утопающих, как всегда, дело рук самих утопающих.

Маршал вздохнул. Мысленно, разумеется – нельзя было показать хоть кому-то, насколько хреново на душе у командующего. Он буквально заставлял себя не думать о смерти. Не просто возможной, а весьма вероятной. Когда улитка, ползущая по рельсам, видит поезд, она прячется в свою раковину. Тоже, наверное, думает, что спасена...

Устинов хорошо понимал то, во что другие попросту не могли поверить. Нет, теоретически-то знали, а вот понимал из всех собравшихся он один. Потому, что когда-то прочувствовал, как это бывает, на собственной шкуре. Как с небес спускается огонь и дома, те самые, что «мой дом – моя крепость», превращаются в уродливые, оплывшие свечки. Это те, которые не рассыпались серым пеплом вместе со своими обитателями. Не успевшими ничего понять, но наверняка успевшими почувствовать... И Устинов очень не хотел, чтобы подобное случилось здесь, на его родной планете. Вот только он понимал еще и то, что если драться, то остаются хоть какие-то шансы, а вот если сдаться... Жизнь, может, и сохранишь, но в твоём доме поселятся совсем другие люди, а твои дети окажутся их рабами. Это Устинов тоже понимал.

Он был не из тех военных, что делают свою карьеру в штабах. По молодости маршал успел повоевать, и не абы где, а в десантных частях. В них парней с фронта, неприхотливых и храбрых, всегда брали охотно. Устинову приходилось и сыпаться с орбиты в тесных десантных капсулах, и оборонять их от таких же хамов. Кто знает, как сложилась бы его жизнь, тем более, ему нравилось в армии, однако ранение поставило крест на честолюбивых мечтах десантного майора, и тридцатилетний ветеран вернулся домой.

Здесь отставной супермен тоже оказался востребован. На Урале периодически вспоминали о том, что когда-то были независимы и неплохо жили безо всякой Конфедерации. Откровенно говоря, даже лучше, чем сейчас. И потому, на всякий случай (а они, как известно, разные бывают), здесь всегда изыскивали средства на содержание собственной армии. По большому счету, ополчения, но угодивший в струю и моментально сделавший карьеру Устинов поста-

рался сделать его реальной силой. Что-то наверняка получилось, не зря же он теперь маршал планетарной обороны. Пускай это звание местное, в Конфедерации ничего не значащее, и для умников в штабах он так и остался не более чем отставным майором, но все равно приятно, что на Родине твои заслуги признали. Вот только сколь успешно ты работал, могла показать лишь война. Та самая, которой Устинов хотел бы в нынешних условиях избежать.

Ну да попала собака в колесо – пищи, но беги. Устинов готовил планету к обороне, и надеялся, что до нее не дойдет. Потому что, если противник взломает орбитальную группировку (а он взломает, к бабке не ходи), то шансы удержаться невелики. Не смогут взять штурмом – разбомбят и все равно высадятся. И останется только вести партизанскую войну с группами вторжения.

Кстати, по поводу этих самых групп. Устинову не давал покоя один неприятный факт. Если изначально он думал, что противник ввел в систему все силы, то доклад Ломакина разрушил очень многие иллюзии. Только боевые корабли. Вдвое больше, чем рассчитывали – как раз из-за отсутствия транспортов, кстати. Думали-то пятьдесят на пятьдесят... Впрочем, неважно, почему. Это гражданские не вполне понимают, что, несмотря на победу Ломакина, баланс сил изменился не в пользу Урала, но он-то, человек военный, сразу увидел, что по орбитальной группировке отработает куда больше кораблей, чем планировалось.

Но и это еще не все. Если нет десантных кораблей, значит... А вот здесь вариантов много, и самые неприятные из них два. Это если высадка вообще не планируется, а противник собирается, не мудрствуя лукаво, превратить Урал в шар, покрытый полями радиоактивного стекла. Или если десантные корабли еще только ожидаются, и с ними придут силы охранения, которые резко усилят и без того значительное превосходство врага. И как тут прикажете воевать, спрашивается?

Маршал встал – делать ему здесь и сейчас было уже, в общем-то, нечего. Сразу же заныли ноги, возраст давал о себе знать. Возраст и, пожалуй, лишний вес. Ученые утверждают, что человеческий организм растет до двадцати пяти лет. К сожалению, об этом не знают ни живот, ни задница. Устинов, конечно, старался поддерживать себя в форме, но административная работа не шла ни в какое сравнение с теми нагрузками, которым он подвергался в бытность свою лихим десантником. И надо же такому случиться, что именно в этот момент завибрировал коммуникатор.

Выслушав сообщение, маршал несколько секунд стоял, обдумывая полученную информацию. Потом повернулся к азартно спорящим политикам и негромко, но так, что все разом его услышали и замолчали, забыв о дискуссии, сказал:

– Господа, вынужден вас прервать. Боюсь, у нас серьезные проблемы.

Система планеты Урал. Через полтора часа

Сообщение о том, что в систему вошла вторая эскадра, Ломакин воспринял без эмоций. Во-первых, он очень устал, сражение с превосходящими силами противника вымотало его донельзя. Все же маневры, перегрузки, а главное, чудовищный груз ответственности за своих людей, корабли и судьбу планеты. Ну а во-вторых, он давно уже мысленно настроился, что судьба подкинет ему что-нибудь эдакое. Слишком уж гладко прошла операция, и по закону всемирного свинства просто не могло получиться так, чтобы судьба не подкинула напоследок какую-нибудь гадость.

Зато нет худа без добра – его невозмутимый вид произвел на подчиненных успокаивающее впечатление. Очень важный момент, поскольку трем их кораблям теперь предстояло идти навстречу новой группе вероятного противника, о которой не было пока известно ничего, даже численности. Остальные корабли уральцев все еще пребывали на орбите родной планеты, и посылать их означало терять столь необходимое сейчас время. Так что пришлось разворачиваться и ложиться на новый курс, молясь, чтобы неизвестные корабли, на сей раз вышедшие из гиперпространства внутри системы, оказались не более совершенными, чем те, кого успел потрепать «Каспий». Об идеальном варианте – том, что это окажутся свои, идущие на помощь, – никто всерьез даже не думал.

Естественно, пессимисты оказались правы. Вторая эскадра оказалась такой же сборной солянкой, что и первая. С одним исключением. Три четверти ее состава были представлены громоздкими и неуклюжими на вид десантными кораблями. Эти гиганты, каждый вдвое больше линкора, не отличались ни ходовыми качествами, ни вооружением. Драться вместо них будут другие. Зато на защите – броне и силовых полях – не экономили.

Все правильно. Их задача пройти сквозь огонь орбитальных крепостей и планетарных батарей. Проломиться через строй перехватчиков. Форсировать плотную атмосферу и, делая все это, умудриться сохранить в целостности и сохранности прячущуюся до поры в трюмах кораблей пехоту. Правда, стоит умолчать, в каких условиях располагались солдаты, иначе велик риск заработать клаустрофобию до конца жизни. Каждый транспорт нес не менее дивизии полного состава с тяжелым вооружением, и здесь их было аж шестьдесят. Более чем достаточно, чтобы завоевать планету – там попросту не готовы к столь масштабному вторжению.

Остальные корабли были, очевидно, эскортом, призванным оградить десант от назойливого внимания тех, кому по должности положено эти транспорты потрошить. Соответственно, кораблей здесь было меньше, чем в ударной эскадре, да и класс их пониже. Всего один линкор неопознанной пока серии, три крейсера, эсминцы, корветы, фрегаты... Словом, «Каспию» с его расстрелянным боезапасом за глаза. Растопчут и пойдут дальше.

Ломакин в драку лезть и не собирался. У него была задача определиться с ситуацией, и он ее честно выполнил. Сигнал на планету ушел, и пожилой каперанг развернул свой крейсер домой. На этом теоретически все и должно было закончиться. Сохранивший ход «Каспий» легко отрывался от противника, вздумай тот его преследовать, но враг, кем бы он ни был, похоже, даже не разглядел визитера. Оставалось лишь сдать вахту, отправиться в каюту и вздремнуть наконец, но... именно в этот момент все и произошло.

Вопль в эфире был такой, что, казалось, звездолет содрогнулся. Игра воображения, конечно, однако сработал он не хуже, чем колокола громкого боя. Еще через пять минут удалось прояснить ситуацию, и от того всем резко поплохело.

Когда-то давно, еще на заре освоения системы, колонисты сделали трудный, но правильный выбор. Новая планета, чистая, с еще непожеванной экологией... Загрязнять ее выхлопами промышленности – преступление. А с другой стороны, жить-то хочется, причем как можно лучше. И близость к природе качества этой самой жизни отнюдь не гарантирует. Требовалось

что-то решать, и быстро, пока еще функционирует взятая с Земли техника, а реакторы корабля не сдохли и не выработали ресурс и топливо.

К счастью, прибывшие на планету колонисты были людьми мужественными, а главное, умеющими принимать решения. Впервые собранный Верховный Совет принял тогда непростое и компромиссное решение. На поверхности Урала располагался минимум производств, гарантирующий выживание людей как вида в любой ситуации, а все остальное выводилось в космос. И заработали фабрики вначале в поясе астероидов, хиленьком, но богатом на металлы. Позже появились базы и рудники на лунах нескольких соседних планет, и даже на их поверхности. Это не только позволило сохранить собственную экологию, но и обеспечило в дальнейшем бурный промышленный взлет. Сейчас кое-где в поясе астероидов были целые города, некоторые на семь-восемь тысяч человек – рабочих и членов их семей – меняющихся раз в полгода. И сигнал бедствия исходил как раз с одного из таких космических поселений.

Те, кто вторгся в систему, шли на не самых лучших кораблях, однако это не значило, что они плохие военные. Обе эскадры отправили корабли дальнего дозора, резко расширившие зону охвата средств обнаружения. Правда, для боевого корабля вроде «Каспия» это проблемой не стало, зато расположенный в поясе астероидов город-завод разведчики противника обнаружили легко.

Оно и неудивительно – конструкция имела в поперечнике более двадцати километров и совершенно не маскировалась. Более того, напичканная автоматикой, она здорово «фонила» во всех радиодиапазонах, и теперь к ней направлялась мобильная группа из трех крейсеров и пяти эсминцев в сопровождении одного из десантных кораблей. Все правильно, стремятся или захватить богатый трофей, или хотя бы уничтожить его, тем самым нанося ущерб врагу. Да и пленные, разбирающиеся в оборудовании завода, не помешают. И теперь город панически орал, вызывая помощь, которой просто неоткуда было взяться, и одновременно в условиях жесточайшего цейтнота по времени пытаться организовать эвакуацию.

Расклады были ясны для Ломакина сразу, без какого-либо анализа. Серьезным оборонительным вооружением космический завод не располагает. От пиратов, конечно, отбилась бы, но против эскадры ловить нечего. Полицейские катера не разбегутся, не струсят. В конце концов, семь тех, кто на них летает, за их спиной, а это стимулирует на подвиг. Полицейские создадут завесу и попытаются остановить атакующих, вот только много ли они смогут? Эти внутрисистемные корабли, не имеющие гиперпривода, при сравнительно малых размерах и несерьезной массе обладали вооружением корвета. Все вместе, пожалуй, отбились бы даже от пары эсминцев вроде тех, что сюда приперлись, но драться с целой эскадрой... Нет, это несерьезно. Даже если корабли с людьми успеют отойти – а шансы на это были неплохие – их все равно догонят. Грузопассажирские лоханки особыми ходовыми качествами похвастаться не могли, и вряд ли полицейские смогут задержать противника на время, позволяющее беглецам оторваться.

Что же, капитан первого ранга Ломакин был нелюбимым начальством наглецом и алкоголиком. И гением тактики со стратегией не был. Вдобавок, он совершенно не имел представления о том, когда стоит говорить, а о чем лучше промолчать. Зато он очень хорошо понимал, когда и, главное, как надо умирать. Замешательство его длилось какие-то секунды, а потом руки легли на пульт, и приказы, четкие и ясные, дошли до каждого члена экипажа. И, подчиняясь им, старый крейсер с уверенной неспешностью развернулся, чтобы начать свою последнюю атаку.

Три призрачные тени обрушились на противника с кормовых углов. Там, по всем расчетам, могли быть только свои, и потому наблюдатели постов контроля пространства опасность профукали совершенно позорным образом. Впрочем, если учесть, что кроме удачной позиции для атаки на стороне Ломакина имелись системы маскировки, на поколение превосходящие вражескую аппаратуру, вина их не столь и велика. Крейсер и оба фрегата обрушились на врага, как смерч. Их создатели, защищая корабли от радаров, не пренебрегли и оптической

маскировкой, от чего звездолеты казались размытыми и практически неразличимыми на фоне космоса тенями. Реагировать противник, конечно, начал, но в тот момент было уже слишком поздно.

Даже поврежденный и расстрелявший боезапас, «Каспий» отнюдь не был безобиден. Артиллерия-то никуда не испарилась, а две потерянные в прошлом бою орудийные башни погоды не делали. Тем более, они работали в кормовой полусфере, а носовые башни остались в целостности и сохранности. И потому первый залп уральцев оказался страшен.

В качестве цели каперанг выбрал крейсер, немного отставший от основной группы. Больно уж тот хорошо вписывался в прицел. Вдобавок, эсминцы ушли вперед, и оказать поддержку атакованному кораблю было просто некому. И «Каспий» практически невозбранно прошелся по нему вначале лазерами и плазмой, а спустя несколько секунд, приблизившись, еще и аннигиляторами ближнего боя. С закономерным результатом.

Вначале разлетелись вдребезги огромные, старомодные отражатели маршевых двигателей. Эти архаичные конструкции, размерами вдвое превосходящие те, что были установлены на «Каспии», представляли собой отличные мишени и раскололись, будто зеркала, по которым с чувством врезали молотком. Теоретически бой можно было считать уже выигранным, огромный корабль моментально потерял управление, и несогласованная работа уцелевших двигателей раскрутила усеченный конус его корпуса, словно городошную битую. В такой ситуации он не мог ни уклониться от атаки, ни толком ответить из собственных орудий, и «Каспий» расстрелял его, как мишень. К тому времени, когда на дистанцию залпа вышли фрегаты, вражеский крейсер напоминал решето, из пробоин которого вперемешку с облаками воздуха и обломками сыпались люди. Кто в скафандрах, а кто и без. Сами виноваты, цинично подумал Ломакин. Ибо нечего нарушать устав, даже если имеешь подавляющий перевес. Неизбежные в космосе случайности еще никто не отменял... Впрочем, фрегаты добавили огоньку и сожгли и тех, кто был в скафандрах, и тех, кто не успел их надеть.

Это была ошибка их командиров. Впрочем, чего взять с мальчишек, до сегодняшнего дня ни разу не участвовавших в бою? Они и так сделали больше, чем можно было ожидать, и не их вина, что действовали согласно ранее утвержденной диспозиции. Просто опыта не хватило понять, что крейсер уже не жилец, и надо работать по следующим целям. В результате, крейсер-то они добились, но время, а с ним и эффект внезапности, были упущены. Противник живо сообразил, что расклады изменились, и принялся с похвальной быстротой разворачиваться навстречу новой угрозе. И с этого момента началось соревнование в огневой мощи, которое уральская эскадра закономерно проигрывала.

Через полчаса все было кончено. «Каспий» спалил еще один крейсер и сильно поцарапал эсминец, но остальные корабли противника, не отвлекаясь на фрегаты, сосредоточенным огнем разнесли его вдребезги. С дистанции, на которую корабли в тот момент сблизались, это было несложно. Теоретически оставался еще шанс, пользуясь преимуществом в динамике разгона, проскочить, но проблема боя на курсах, близких к параллельному, в большом времени огневого контакта, и крейсер попросту не успел оторваться.

Артиллеристы врага оказались хорошими профессионалами, шанса отплатить так нагдившему им кораблю не упустили, и дальше «Каспий» плыл уже мертвой радиоактивной грудой. В этой братской могиле нашли свой последний приют капитан первого ранга Ломакин, чье тело навсегда вплавилось в изуродованный пластик скафандра, его помощник, до конца управлявший кораблем из резервной рубки, только-только закончивший училище лейтенант Шольц, для которого это был первый боевой поход, не дотянувший до пенсии две недели кок по прозвищу Бульон, и еще две сотни человек, до конца остававшихся на своих постах...

Но дело свое эти люди сделали. Эскадра противника из-за маневров потеряла скорость, и корабли с беженцами успели оторваться. Следом за ними ушли и полицейские корабли, экипажи которых грамотно оценили свои шансы в заварухе. Впрочем, это не было бегством. Отсту-

пая, полицейские успели не только разрядить по врагу свои ракетные установки, но и, вдобавок, правильно выбрать цель. Уже поврежденный «Каспием» эсминец не выдержал сосредоточенного залпа и под ударами термоядерных ракет превратился в раскаленное облако. Защита погасла буквально на втором попадании, остальные же разорвали и без того покалеченный корабль на атомы.

Фрегаты тоже не остались в стороне, но им повезло меньше. Расправившись с флагманом уральцев, противник грамотно оценил степень угрозы, которую представлял каждый из противников, и сосредоточил огонь на фрегатах. В результате тот из них, что в прошлый раз талантливо изображал жертву, сейчас и впрямь едва-едва уполз с разорванным по всей длине бортом, потеряв треть экипажа. Его систершип отделался парой плюх и шикарным пробоем защиты, после чего его командир трезво оценил свои шансы нанести врагу урон и тоже отступил.

Наверное, тот, кто командовал потрепанной группой вражеских кораблей, был взбешен. Иначе как объяснить, что, не имея возможности догнать беглецов, он тупо расстрелял космический завод, несмотря на то, что как раз его-то можно было попытаться захватить. Тем не менее, орудия его кораблей разбили оставленный персоналом ценный приз на куски. Впрочем, это уже ничего не решало.

Поле боя осталось за противником, и позже многие диванные теоретики ругали Ломакина за проигранный бой и потерю корабля. Те, кто выжил благодаря его самоубийственной атаке, так не считали и даже, случалось, били морды любителям попрыгать на чужих костях, но все это будет потом. А сейчас планета стягивала к себе все силы, подобно щупальцам готовящегося к схватке спрута, и на ее верфях и заводах кипела работа. Время, подаренное живым погибшими космонавтами, надо было использовать с толком.

Орбита планеты Урал. Спустя пять дней

Противник не пытался маскироваться. Очевидно, те, кто командовал вторжением, хорошо понимали, что радары планетарного базирования их устаревшим системам маскировки все равно не обмануть. Да и вообще, после двух стычек любому дураку стало понятно – на Урале давным-давно их обнаружили, идентифицировали и пересчитали не только корабли, но и все заклепки на их бортах.

Впрочем, может статься, за отсутствием маскировки скрывался и иной смысл. Демонстрируя свои силы, противник оказывал на уральцев психологическое давление. Ну, или хотя бы пытался таковое оказать – численность кораблей была, разумеется, внушительная, однако то, что индивидуально они не столь уж и сильны, на планете знал, пожалуй, даже младенец. Ролики, переданные с «Каспия» и фрегатов, крутили и по всем вещательным каналам, и в Сети. Подвиг капитана Ломакина обсуждался, где только можно, и патриотический подъем у населения выглядел запредельным.

На этом фоне как-то терялись голоса тех, кто склонен был искать с противником хоть какого-то компромисса. А они были, конечно – и просто дебилы, и пацифисты... Эти особой проблемой не казались. В конце концов, когда на твоих глазах начинают убивать твоих же родных, любой пацифист возьмет пулемет и начнет отстреливаться. Однако находились и те, кто искал диалога с врагом по иным причинам.

Этих чаще всего объединяло недовольство жизнью на Урале. Таких можно найти в любом обществе, а уж на планете, население которой не то чтобы патриархально, а, скорее, отличается нетерпимостью ко многому, что в прочем «цивилизованном» мире является нормой, мелких групп неудовлетворенных своим положением в мире всегда достаточно. Каковы бы ни были причины недовольства, эти люди вполне обоснованно считались пятой колонной, и сейчас контрразведка совместно с полицией активно чистили их ряды.

Последнее оказалось неожиданно просто – еще один факт, подтверждающий царящую в штабе обороны убежденность в спонтанности атаки на систему Урала. Планируй враг (кстати, так до сих пор и не идентифицированный) нападение заранее – и уж агентов влияния, разведчиков и диверсантов он постарался бы внедрить кучу. И взять под контроль несистемную оппозицию, разумеется, такие действия – азбука при планировании вторжения. А раз не сделано – значит, кто-то банально пытается воспользоваться моментом и лезет без серьезной подготовки.

Это внушало надежду на благополучный исход дела, удастся отбить натиск – и все, противнику на помощь никто не придет. Однако если не удастся, то и последствия могут быть непредсказуемыми, такой неожиданный враг иногда смертельно опасен, в особенности для мирного населения¹. В особенности, если у него не будет возможности занять или удержать планету. Решит, к примеру, со злости отбомбиться с орбиты – и число жертв будет колоссальным.

А силы противник, к слову, собрал немалые. Во всяком случае, количественно. На следующий день после героической гибели капитана первого ранга Ломакина и его корабля в систему вошла третья эскадра, состоящая более чем из двухсот единиц разных классов. Навстречу ей был немедленно послан эсминец с задачей провести разведку, но ни в коем случае не вступать в бой и вообще не дать себя обнаружить.

Последнее оказалось удивительно просто. На тот антиквариат, что прибыл в этот раз, вообще невозможно было смотреть без смеха. Так, во всяком случае, говорили опытные космонавты, и им стоило верить. Однако, практически бесполезные в эскадренном бою, корабли

¹ Достаточно вспомнить Отечественную войну, в которой румыны, на фронте вояки практически бесполезные, прославились зверствами по отношению к мирному населению. И не они одни.

эти по-прежнему оставались опасны при штурме планеты. Особенно учитывая, что устаревших линкоров там было штук двадцать. Видимо, те, кто решился на штурм Урала, в последний момент стали вытаскивать из консервации, а то и просто скупать все, до чего только могли дотянуться.

Таким образом, в кораблях противник имел подавляющий перевес. Если не в качестве, то в количестве уж точно. Однако даже сейчас оборона планеты представляла собой крепкий орешек. Шесть полностью вооруженных орбитальных крепостей – это вам не шутка! Конечно, четыре из них – всего лишь вооруженные посадочные терминалы, броня которых оставляет желать лучшего, зато гигантские размеры позволили установить на них орудия даже мощнее, чем на крепостях формально более высокого класса, а генераторы силового поля в известной степени компенсировали слабость конструкции.

Помимо крепостей планету защищали орбитальные платформы. Эти спутники несли, как правило, относительно маломощное вооружение, но для вражеского mosquito флота они являлись серьезным препятствием. Ну и, конечно, минные поля. Увы, сейчас на них надежды было мало. Противник, зная о таком сюрпризе, вполне способен эффективно с ними бороться – зенитное вооружение, как уже успели выяснить, у вражеских кораблей было неплохое. Задержать – задержать, но чего-то большего сейчас от мин ждать не приходилось.

Дополняли стационарную оборону ракетные батареи и мощные лазеры на планете. Их хорошо замаскированные позиции располагались таким образом, что не оставляли мертвых зон. Правда, для борьбы со штурмовыми кораблями подобные системы подходили не слишком, зато десант, хоть в транспортах, хоть в посадочных капсулах, ждет неприятный сюрприз.

Разумеется, такая система обороны строилась не за один день. И предназначалась она для борьбы совсем с другим противником. Каким? Ну, тут возможны были варианты, и метрополия была отнюдь не на последнем месте. Правительство не зря подозревало уральцев в сепаратистских настроениях, а на самой планете находилось немало людей, считающих, что деньги, идущие на строительство укреплений, можно потратить с куда большей пользой. Однако нет худа без добра, сейчас все это пришлось очень кстати, и нашествие врага разом затыкало рты противникам милитаризации всех мастей.

К терминалам были пришвартованы немногочисленные военные корабли, как специальной постройки, так и самопальные вспомогательные крейсера. На первом этапе они будут прикрываться мощным защитным полем крепостей, а дальше исполнять несвойственную большинству из них задачу – придавать гибкость обороне. Попросту говоря, затыкать образующиеся дыры. Там же, в глубоких посадочных колодцах, ждали своего часа истребители. Их задача была примерно такой же, разве что спектр задач чуть шире – все-таки корабли mosquito флота вследствие малых размеров, высокой скорости и неплохого вооружения способны атаковать и уничтожать крупные корабли врага на приличном удалении от орбиты. Ну и на планете, на замаскированных аэродромах, крыло к крылу стояли атмосферные машины. Если дойдет до них – значит, все, хана. Атмосферники – последний рубеж обороны планеты.

А между тем противник стоял и непонятно чего ждал уже несколько часов. Вряд ли еще каких-то подкреплений, скорее, просто не решался атаковать, встретив неожиданно мощный узел обороны. Учитывая тот урок, что преподнес им один-единственный крейсер, такое поведение выглядело, как минимум, логичным. В жизни, как известно, всегда есть место подвигу. Лучше держаться от этого места подальше. Это понимали военные с обеих сторон, и потому не торопились. Единственно, планетарная оборона выглядела статичной, а корабли противника время от времени совершали какие-то перестроения, но все эти эволюции мало что меняли. Просто никто пока не решался начать.

Однако и продолжаться до бесконечности это выматывающее душу Великое Стояние тоже не могло. Время объективно работало на Урал, и даже не потому, что каждый час заминки давал защитникам планеты возможность хоть немного, но усилить оборону. В конце концов,

ничего принципиального они сделать уже не могли. Однако в любой момент сюда мог прийти флот Конфедерации. Как бы в метрополии не «любили» уральцев, но и до бесконечности тянуть с помощью там тоже не могли. Если выйти за рамки приличия, в следующий раз можешь остаться без государства. Разбежится. А то и устроит небольшую бучу, попросив правительство с насиженных мест. Рано или поздно, но флот будет послан, и, если слишком долго ждать, то можно и впрямь чего-нибудь дожидаться. К примеру, неприятностей.

Перед незванными гостями стояли, по сути, два варианта – начинать штурм или уматывать подобру-поздорову. Имелся, правда, еще и третий – поговорить, но это все равно прелюдия или к первому, или ко второму, а потому как самостоятельное действие в штабе Устинова, принявшего на себя командование обороной планеты, его даже не рассматривали. Однако именно с этого все и началось. Видимо, противнику тоже ясны были расклады, а ожидание давило на нервы. И в результате там пришли к выводу, что прежде, чем что-то делать, надо хотя бы попытаться взять свое языком. Правда, Устинов мог бы на это посоветовать им, как этим языком лучше распорядиться, однако витиеватое и насквозь неприличное послание он оставил при себе – тянуть время было важнее.

Вирт-экран монитора дальней связи призывно замерцал. Кто-то – Устинов не понял, да и не очень интересовался, кто именно – завистливо вздохнул. Все правильно, считается, что армия и флот не пользуются голографическим оборудованием связи потому, что классические экраны надежнее. На самом деле, они были банально дешевле, раз этак в ...дцать. Так что голосвязь осталась игрушкой богачей, а простым людям приходилось использовать аппаратуру, ничем принципиально не отличающуюся от той, с которой их далекие предки покинули Землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.